

Белик Анна

Знакомство Манфреда и Алисы

Рассказ

История знакомства двух подростков

Донецк, 2014 год

Оглавление

<u>СЦЕНА ПЕРВАЯ. ВСТРЕЧА В ПОРТУ</u>	<u>2</u>
Часть 1	2
Часть 2	5
<u>СЦЕНА ВТОРАЯ. ОБЕД</u>	<u>7</u>
Часть 1	7
Часть 2	9
<u>СЦЕНА ТРЕТЬЯ. КОСТЕЛ</u>	<u>11</u>
Часть 1	11
Часть 2	16
<u>СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ. МЕЧТА О КОНЦЕРТЕ</u>	<u>18</u>
Часть 1	18
Часть 2	20
<u>СЦЕНА ПЯТАЯ. УЖИН</u>	<u>22</u>
Часть 1	22
Часть 2	22
<u>СЦЕНА ШЕСТАЯ. У КАЖДОГО СВОИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ</u>	<u>24</u>
Часть 1	24
Часть 2	26
<u>СЦЕНА СЕДЬМАЯ. КОНФЛИКТ</u>	<u>29</u>
Часть 1	29
Часть 2	32
<u>СЦЕНА ВОСЬМАЯ. МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ</u>	<u>34</u>
Часть 1	34
Часть 2	37
<u>СЦЕНА ДЕВЯТАЯ. БОЛЬНИЦА</u>	<u>40</u>
Часть 1	40
Часть 2	43
<u>ЗАКЛЮЧЕНИЕ</u>	<u>45</u>

27.05.1977

Сцена первая. Встреча в порту

Часть 1

Два дня назад закончился учебный год, и Алиса с мамой наконец-то должны были ехать в гости. Изначально планировалось, что поедет Лаура, потому что мама побаивалась брать в поездку еще не до конца окрепшую Алису, но старшей дочери гораздо больше хотелось посетить пионерский лагерь, куда направлялся один из ее потенциальных кавалеров. Поэтому Анна, с таким трудом выбившая право трехмесячной поездки на двоих за границу, решила, что возьмет с собой младшую дочь, менее года назад перенесшую сложную операцию на сердце.

Врачи дали добро на поездку, да и сама Алиса после стольких лет инвалидности радовалась любой возможности ощутить полноту жизни. Она все еще была одной из самых низкорослых в своем 6-А (вернее, уже 7-А) классе, но уже чувствовала себя достаточно сильной и здоровой.

Несколько лет тому назад, в период, когда она неплохо себя чувствовала, они с мамой ездили в гости к папе в Грозный, и это путешествие в регион с непривычным теплым климатом произвело на Алису больше впечатление, поэтому от предстоящей поездки она ожидала не менее ярких эмоций. Правда, путь они держали в совсем другом направлении – в северном.

Повертевшись перед зеркалом в костюмчике, состоявшем из красной футболки и коротенькой красной юбочки в шотландскую клетку, Алиса пришла к выводу, что выглядит она вполне достойно для заграничного путешествия. Лаура, провожавшая мать и сестру в дорогу, заплела Алисе косы-«дракончики» и подвязала красными лентами, сделав Алису похожей на фронтовичку, но Алисе это невероятно шло.

Поездка на пароме через Финский залив должна была занять всего несколько часов, поэтому Алиса рассчитывала прибыть в страну «загнивающего запада» (как им говорили в школе) со свежим и цветущим видом.

Дорога до Хельсинки действительно была не долгой, и еще не успев вдоволь насладиться водным путешествием, Алиса услышала от мамы, что они скоро придут. Анна была немного напряженной, и Алиса чувствовала ее волнение, но не придавала ему значения, считая, что оно вызвано предстоящей поездкой в чужую страну. Она знала, что Анна много лет упорно добивалась поездки в Финляндию, но особо не задавалась вопросом, зачем ей это было нужно.

Анна сказала дочери, что в Хельсинки их встретит мамина подруга детства Кайза, и отвезет их к себе домой. Кайза живет богато, поэтому Алиса сможет посмотреть, как живут европейцы. Алиса ответила, что все знает о жизни богатых людей, потому что была в отцовской четырехкомнатной квартире-«сталинке» и ездила на его белой Волге. Анна в ответ иронично улыбнулась, и ответила, что Алиса просто не представляет, что такое действительно богатая жизнь. Впрочем, Алису это и не волновало, она не чувствовала себя материально обделенной.

Когда они приблизились к берегу, Анна подошла к борту парома и начала пристально всматриваться в группу встречающих людей, столпившихся на мостовой. Алиса подошла к матери и тоже начала смотреть туда. Паром еще больше приблизился к берегу, и от толпы отделилась хрупкая рыжеволосая женщина в нарядном платье, и начала радостно махать рукой. Рядом с ней стоял белокурый мальчик возраста Алисы или немного старше.

Анна слегка восторгалась и начала активно махать рукой женщине в ответ, а затем повернулась к Алисе и сказала: «Это Кайза, о которой я тебе говорила».

Кайза издали могла показаться девочкой-подростком, настолько худенькой и воздушной она была, но при приближении становилось видно, что это – взрослая женщина, хотя и превосходно выглядящая. Но гораздо большее впечатление на Алису произвел мальчик.

- Кто это рядом с Кайзой? – спросила Алиса маму.

- Видимо, один из ее сыновей. По крайней мере, внешне он – копия отца Кайзы, – ответила Анна.

Пока паром медленно приближался к причалу, Алиса рассматривала мальчика. Ростом он был немного ниже Кайзы, но отличался еще большей хрупкостью, чем она. Хотя это казалось невозможным. Он равнодушно и слегка лениво оглядывался по сторонам, двигаясь плавно и мягко, как девочка. Но по-настоящему уникальными были его лицо, волосы и кожа.

Мальчик был совершенно белым. Вообще. Не таким, как те красноглазые альбиносы, которых Алисе приходилось видеть раньше, а белым как мрамор. Белоснежная прозрачная кожа у него сочеталась со снежно-белыми, как у седого старика, волосами, и светло-голубыми глазами. Черты лица были еще более тонкими, чем у Кайзы, и казались просто идеально отточенными, как будто природа с особым старанием поработала над каждой линией. Алиса не могла понять, можно ли столь странную внешность назвать классически красивой, но запоминающейся она была определенно. И Алисе она понравилась.

Когда Алиса с Анной сошли с трапа, к ним подошла Кайза со светящейся улыбкой и, сделав паузу, звонким голосом произнесла: «Как же я рада тебя видеть!» И крепко обняла

Анну. За Кайзой медленным шагом, засунув руки в карманы брюк, которые ему были явно велики, лениво приплелся мальчик, наблюдая за встречей холодно-равнодушным взглядом.

Правда, через несколько секунд в его надменно-прищуренных глазах блеснул легкий интерес к происходящему. Потом он перевел взгляд на Алису, слегка запрокинув голову назад и, как будто оценивая ее своими бесцветно-холодными цепкими глазами. Алисе стало немного не по себе, но неловкая пауза была прервана Анной, которая сказала:

- Познакомься, это моя младшая дочь Алиса.

Кайза посмотрела на Алису, тепло улыбнулась и обратилась к ней:

- Привет! Я – Кайза, мы с твоей мамой вместе учились в школе и очень дружили. А этой мой сын, Манфред, - и Кайза перевела взгляд на белокурого мальчика.

Алиса тоже посмотрела на него и увидела, что левый уголок его губ был насмешливо опущен вниз, как будто он хотел этим сказать: «Ах, ну да, ну да». Но когда к нему повернулась Кайза, он едва заметно сменил ухмылку на сияющую, но совершенно холодную улыбку.

- Приятно познакомиться, - ответил он таким же звонким, как у Кайзы, но более холодным голосом.

Кайза засуетилась, переживая, что Анна с Алисой устали с дороги, и сказала Манфреду помочь донести чемоданы гостей до машины. Он лениво поднял два чемодана, и снова окинул Алису оценивающим взглядом с головы до ног, понес груз в сторону вокзала. Алиса не ожидала, что столь хрупкий мальчик может так легко поднять достаточно тяжелые вещи.

Алису посетило неприятное чувство. Изначальная симпатия к Манфреду сменилась легким, но достаточно неприятным чувством страха и беспомощности перед его холодным взглядом. Она ему явно не понравилась. Это было обидно, и в голове крутилась мысль: «А чего ты ожидала? Он – такой яркий красавец, такой уверенный в себе. На тебя такие мальчики не посмотрят...»

Машина Кайзы оказалась очень необычной, ни в своем родном Таллинне, ни в Грозном, ни в Киеве, куда Алиса с мамой часто ездили на консультации к Николаю Амосову, таких машин не было. И в этот момент Алиса начала понимать, что имела в виду Анна, когда говорила, что в странах Запада есть нечто такое, чего Алиса в принципе никогда не видела.

Кайза села за руль, Анна села на переднее пассажирское сиденье, а их с Манфредом усадили на задние кресла. Всю дорогу до дома Кайза и Анна весело говорили, а Алиса и Манфред сидели в напряженном молчании, периодически кидая друг на друга недоверчивые взгляды.

Часть 2

Два дня как закончился учебный год и одноклассники разъехались на курорты. На улице стояла солнечная, но прохладная майская погода, напоминавшая Манфреду о том, что в этом году они не летят в Гренаду из-за какой-то дурацкой маминой подруги, которая приезжает к ним на все лето.

У мамы никогда не было подруг... Вернее, ее главной подругой всегда был Манфред, и ее нынешнее эмоциональное состояние его несколько озадачивало. Особенно сегодня, когда мама с утра была в состоянии эйфории, и носилась по дому, отдавая приказы прислуге по поводу подготовки комнат для гостей и приготовления праздничного обеда.

Утром за Альфредом зашла Шанталь и они убежали на тренировку в школу альпинистов. Манфред скучающе читал газеты, пока к нему не подбежала Кайза и не сказала, что он должен поехать с ней и помочь встретить гостей. Манфреду меньше всего хотелось этого. Его с утра одолевало чувство раздражения и недовольства, которое он никак не мог побороть. А тут еще эти гости...

Но он подумал, и решил, что не стоит отказывать матери в помощи, хотя слегка поломаться нужно, чтобы обратить ее внимание на то, что его хороший и правильный братец Альфред смотался с подругой, а он, именно он, Манфред, является ближайшим маминым помощником.

Преодолевая раздражающее чувство недовольства, Манфред натянул слегка примятую рубашку и брюки, которые были куплены ему на вырост, чтобы подчеркнуть свое настроение и вызвать у матери едва ощутимое чувство вины за то, что она его, двенадцатилетнего ребенка, эксплуатирует подобным образом.

Кайза, увидев наряд сына, хотела сама лично подобрать ему что-то более приличное, но поскольку время поджимало, пришлось закрыть глаза на его неподобающий вид. Всю дорогу до порта Манфред то погружался в легкую полудрему, то равнодушно смотрел на колышущиеся ветки деревьев, окружающих шоссе. Сама атмосфера казалась тягучей и вязкой в своем скучном однообразии.

Столь же неинтересным было и ожидание парома. Это огромное сооружение медленно приближалось, а затем, как будто во сне, по трапу неторопливо спускались люди. После этого Кайза радостно побежала в сторону белокурой женщины, отделившейся от толпы. Манфред нехотя последовал за матерью, и, приблизившись к гостям, почувствовал странную слабость в ногах, а желудок свело от волнения.

Перед ним стояла совершенно невероятная девочка. На фоне бесцветных скандинавок она выделялась превосходной смуглой кожей, которая каким-то удивительным образом

сочеталась с огненно-рыжими волосами. Такого необычного сочетания Манфред еще не видел, хотя на Карибских островах повидал самые причудливые сочетания рас.

Но особое впечатление на него произвели ее огромные выразительные глаза темно-шоколадного цвета. Прямой, открытый и смелый взгляд девочки вызвал у Манфреда смешанное чувство восхищения и страха. Восхищения внутренней силой и цельностью, которых так не хватало Манфреду, а страха перед собственной неспособностью стать вровень с таким человеком.

Постоянный дискомфорт, который Манфред ощущал, находясь рядом с подобными людьми, сейчас почувствовался особенно остро. Понимание собственной несостоятельности, никчемности и недостойности вызывало желание куда-то спрятаться и любоваться этим чудом из укромного места, но это было невозможно.

Пытаясь скрыть эмоции, Манфред слегка прищурил глаза, стараясь изобразить максимальное равнодушие и отогнать от себя мысль о том, что такая девочка на него никогда даже не посмотрит. Но только он совладал с одной эмоцией, как нахлынула другая, заставившая Манфреда вернуть пошатнувшееся равновесие.

Кайза кинулась на шею блондинке, и Манфред всё понял. Он вернулся мыслями в 1972 год, в тот вечер, когда все жители и гости карибской Гренады праздновали День урожая, предаваясь танцам и какому-то безумному, первобытному разгулу. Тогда он, семилетний мальчик, сбегал из своей спальни. Он не мог упустить возможность полюбоваться происходящим, особенно зная, что мама ушла на праздник, надев свои самые нарядные вещи.

Увидев, как мамина юбка нырнула, в темноту беседки, расположенной за танцполом, Манфред бесшумно обошел это сооружение с другой стороны и заглянул внутрь. Мама, находясь в состоянии какой-то странной эйфории, сидела на коленях у местной зловещей шаманки – крупной негритянки, живущей в дикой части острова, и известной под прозвищем Дьяволица, и страстно с ней целовалась.

В тот момент очень многое встало для Манфреда на свои места. Наблюдая за своими родителями, он чувствовал, что между ними нет искры, нет таких эмоций, которые могут просто сносить голову. Вернее, они есть, но только со стороны отца. Мама всегда заботилась об отце и была хорошей женой, но не испытывала к нему ничего, кроме чувства благодарности.

Манфред знал, что если бы он с кем-то поделился этими наблюдениями, ему бы не поверили, настолько его родители казались счастливой и любящей парой. Но Манфред всегда видел то, что стоит за этим внешним благополучием. И удивлялся, как Альфред и Кристина могут совершенно не замечать ничего.

Между мамой и Дьяволицей не было искры любви, но определенно была страсть. Такая страсть, какой у матери не было к отцу. И тогда Манфред понял, что Кайза любит женщин. Наблюдая за ней, за характером ее отношений с женщинами, Манфред понял, что где-то на свете есть та одна, которую мама любит. Он иногда пытался мягко прощупать почву и выяснить, к кому испытывает чувства его мать, но видя, что у Кайзы появлялось внутреннее напряжение при таких разговорах, Манфред отступал.

Теперь он узнал, кто она. Одного объятия, одного пересечения взглядов Анны и Кайзы было достаточно для того, чтобы понять все, что было между ними. Чувство, которое в этот момент испытывал Манфред, напоминало резкое пробуждение после долгой и изнурительной спячки. День определенно перестал быть скучным и наполнился эмоциями. Манфред буквально разрывался между желанием наблюдать за каждым взглядом и жестом этой пары, и желанием любоваться чудесной девочкой, которая просто поразило его воображение.

По дороге домой Манфред сидел на заднем сиденье рядом с Алисой и изо всех сил старался выглядеть равнодушно и не смотреть на нее, хотя взгляд так и полз вбок. Ему казалось, что на всю машину слышно, как колотится его сердце и стучит в висках. Но при этом такого шквала пьянящих эмоций у него не было давно. И было безумно интересно, как дальше будут развиваться события.

Сцена вторая. Обед

Часть 1

Дом Кайзы оказался очень большим, двухэтажным, и в некоторой степени напоминал казенное здание. Алисе и Анне выделили отдельные комнаты на втором этаже, который был «спальным», в то время как на первом этаже располагались гостиная, столовая, кухня и кабинеты. Кайза показала гостям, где что находится и оставила их располагаться, сказав, что будет ждать их внизу.

На скорую руку засунув вещи в шкаф, Алиса решила выйти из комнаты и посмотреть на дом. Она спустилась по лестнице и увидела Манфреда. Он стоял спиной, но услышав ее движение, повернулся. У Алисы возникло совершенно странное чувство, как будто перед ней стоит тот же самый человек, но какой-то совсем другой. Его выражение лица было спокойным, без вызова, с прямым взглядом. От него было ощущение какой-то основательности, что ли... И он как будто бы был не таким тонким и хрупким, каким показался при встрече на вокзале. Алиса еще не видела такой трансформации в людях, и с удивлением смотрела на него.

В этот момент открылась дверь столовой, и оттуда вышел... Манфред, тот самый, которого она уже видела. С тем же самым колючим взглядом и в мятой рубашке. Немного наклонив голову вперед и кинув недоброжелательный взгляд на Алису и мальчика, который стоял рядом с ней, Манфред прошел по коридору и зашел в кабинет.

Алиса перевела взгляд на стоявшую рядом копию Манфреда, и в ее глазах явно читалась растерянность. Мальчик, увидев это, улыбнулся, и сказал:

- Мы – близнецы. На нас все так смотрят, когда в первый раз видят.

Тут для Алисы все встало на свои места и удивление спало. Заметив это, мальчик добавил:

- Приятно познакомиться, Альфред.

После того, как Анна спустилась вниз и все друг с другом познакомились, Алиса узнала, что у Кайзы трое детей – близнецы и восьмилетняя дочка Кристина, а также муж – крупный бизнесмен, который бывает дома достаточно редко, но именно он обеспечивает семье богатую жизнь.

Алиса услышала о том, что специально для них подготовили вкусный обед, и с нетерпением ждала его, немного скучая в гостиной, пока Анна и Кайза говорили друг с другом. В этот момент приехал муж Кайзы. Он представлял собой высокого, грузного мужчину с карельским типом внешности, и был явно озабочен какими-то рабочими вопросами. Он поцеловал Кайзу в щеку, а потом, как-то смутившись, сказал:

- Здравствуй, Анна, - на что мама Алисы тут же ответила:

- Здравствуй, Маттиас.

«О, они знакомы», - с удивлением подумала Алиса. Затем они втроем обменялись какими-то формальностями, Маттиас сказал, что у него сейчас будет экстренное совещание, поэтому он не сможет дождаться обеда. И попросил принести ему еду в кабинет – он быстро перекусит и поедет на работу.

На обед Алису и Анну пригласили в большую и просторную столовую, посередине которой стоял массивный дубовый стол овальной формы. На столе было множество блюд, некоторые из которых Алисе были незнакомы. За стол сели Алиса с мамой, Кайза и ее дети. Анна и Кайза как будто забыли обо всем и говорили друг с другом, не умолкая.

Алиса испытывала чувство неловкости от того, что она практически осталась наедине с детьми Кайзы, при этом совершенно не зная, как себя вести с ними. Впрочем, Альфред и

Кристина были заняты едой, не усиливая неловкость Алисы, а вот Манфред, который самой своей личностью вызывал у нее чувство легкого смущения и страха, лениво оглядывался по сторонам, и иногда кидал недоброжелательно-насмешливые взгляды на Алису.

Кайза периодически на него прикрикивала, требуя, чтобы Манфред ел. В эти моменты он брал вилку и начинал неприязненно ковырять еду, но больше одного маленького кусочка не съедал. Причем, смотрел на еду так, будто она готова съесть его самого. В какой-то момент Манфред попытался незаметно переложить часть своей еды в тарелку сестры, но Кайза это заметила и прикрикнула на него.

Потом, воспользовавшись небольшой паузой в разговоре взрослых, Манфред спросил:

- Вы были очень близки в детстве?

Анна и Кайза на секунду застыли, а потом Кайза ответила:

- Да, мы были лучшими подругами.

Манфред улыбнулся в ответ, а когда они от него отвернулись, левый уголок его губ иронично пополз вниз.

Часть 2

Манфред, приехав домой, смог, наконец, совладать с эмоциями. Он и хотел, и боялся очередной встречи с Алисой, и понимал, что эта встреча определенно состоится сегодня за обедом. А еще он ждал прихода отца. Это было совершенно нетипично, учитывая непростые отношения Манфреда с отцом. Но сегодня Манфред ждал момента встречи трех человек: мамы, отца и Анны. Ему было интересно, какими эмоциями она будет наполнена.

Собравшись переодеться, Манфред направился из коридора в холл, планируя подняться по лестнице на второй этаж, но увидел Альфреда и Алису. Возникло неприятное чувство, представляющее собой смесь ревности и бессилия. «Конечно, с его самоуверенностью легко подойти и познакомиться. Цены себе не сложит. Все самое лучшее всегда достается таким, как он и наш папочка», - подумал Манфред, и, не решившись пройти мимо них, зашел в кабинет.

Он то нервно наматывал круги по комнате, то брал с полки какую-нибудь книгу и начинал читать, но быстро терял интерес и ставил ее на полку. Так прошло около получаса, после чего Манфред услышал через дверь слова суевающей прислуги о том, что домой вернулся отец. Любопытство, наконец, пересилило нерешительность, и Манфред вышел в холл.

Отец пришел взволнованным, и это чувствовалось еще до того, как он вошел в комнату. Волнение ощущалось по немного нервной походке и тому, как он неуклюже снимает пиджак в

коридоре. Манфреда посетило приятное чувство ожидания напряженной ситуации, которая так или иначе должна была произойти, учитывая состояние всех присутствующих.

Отец зашел, поцеловал маму и растерянно посмотрел на Анну. Он пытался совладать с собой, но в этой легкой нерешительности чувствовалась растерянность.

- Здравствуй, Анна, - сказал он.

- Здравствуй, Маттиас, - ответила Анна несколько приглушенно, также пытаясь скрыть волнение.

«Он всё знает! Всё!» - подумал Манфред, и на душе стало приятно от ощущения едва заметной отцовской боли, возникшей в этот момент. Дальше отец говорил о том, что не может остаться на обед, и в его голосе звучали нотки горечи. «Да, он понимает, что мама будет с ней, а он будет далеко, не сможет ничего увидеть и проконтролировать» - довольно заключил про себя Манфред. На его лице появилась легкая улыбка.

Манфреда особенно тешила мысль о том, что через несколько дней отцу предстоит длительная поездка на открытие нового проекта, и он будет там, далеко, а мама здесь, со своей любовницей. Понимание того, что у этого самовлюбленного, заносчивого тирана есть слабые места, вызывала у Манфреда ощущение легкой эйфории и тепла, приятно разливающегося по телу.

Наступила самая неприятная часть действия. Манфред знал, что еда – это источник жизни, но она же была его пыткой. Глотая кусок, он прямо ощущал, как что-то отвратительное проходит по его пищеводу, и от этой мысли начинались рвотные позывы.

Бесконечные обследования, посещения гастроэнтерологов, психологов и психотерапевтов, медикаментозная терапия и гипноз так и не помогли преодолеть это. «Психосоматика» - говорили специалисты в один голос, но Манфреду от этого не становилось легче.

Обед длился невероятно долго, сводя Манфреда с ума своими тошнотворными запахами. Мама с Анной без умолку болтали на какие-то бессодержательные темы, а Алиса сидела в напряжении, явно не зная, как себя вести в такой ситуации, и стараясь не отрывать глаз от тарелки. Это давало Манфреду возможность хотя бы изредка смотреть на нее.

Желая разбавить тягучую атмосферу чем-то более ярким, Манфред спросил:

- Вы были очень близки в детстве?

Атмосфера мгновенно изменилась, в воздухе повисло легкое напряжение, которое мама попыталась разрядить, ответив подчеркнуто спокойно:

- Да, мы были лучшими подругами.

Но ее волнение, а также легкая растерянность Анны говорили о характере их отношений гораздо больше, чем произнесенные слова.

Сцена третья. Костел

Часть 1

Прошла почти неделя с того момента, как Алиса с мамой приехали в гости к Кайзе. За это время они успели погулять по городу и пройтись по магазинам. Торговый ассортимент Алису впечатлил, такого изобилия товаров она не видела в СССР. Постоянный прилив впечатлений хоть как-то перекрывал тот негатив, который она получала в доме.

Манфред перешел от злобно-презрительных взглядов к колкостям – мелким, но болезненным. Он никогда этого не делал при родителях, но стоило им с Алисой пересечься там, где не было посторонних глаз, он тут же в ее адрес отпускал какие-то неприятные комментарии.

Почему-то особенно запомнился случай, когда Алиса купила в магазине небольшой чемоданчик, но не запомнила механизм работы его замка, и дома, сидя на диване в гостиной, безуспешно пыталась его открыть. В какой-то момент в комнату зашел Манфред. Алиса его сразу и не заметила, обратила внимание только тогда, когда он подошел ближе, и она увидела его боковым зрением.

Алиса подняла глаза. Манфред был как всегда в мятой белой рубашке и бесформенных черных брюках, спускающихся складками на ботинки. Он, глядя на старания Алисы, ухмыльнулся, и уголки его губ презрительно поползли вниз.

- Не все отличаются сообразительностью, - прокомментировал Манфред действия Алисы, и в его глазах появился ехидный блеск.

Манфред протянул руку, как бы предлагая Алисе дать ему чемодан. Ей не очень хотелось это делать, но желание открыть попку пересилило чувство обиды. Она протянула Манфреду чемодан. Он открыл его и отдал обратно, после чего смерил Алису насмешливым взглядом и быстро удалился. Это был не самый неприятный случай, но, видимо, к этому моменту чаша терпения переполнилась, и Алиса запомнила именно эту ситуацию.

Но, к счастью, следы в душе оставили не только неприятные моменты. Альфред был не тем человеком, который мог бы произвести на Алису впечатление и заставить ее сердце с волнением биться, но с его стороны она чувствовала понимание, и невольно расслаблялась, когда он был рядом.

Это был тот случай, когда в человеке не видишь чего-то принципиально нового, но он тебе понятен без слов, и ты легко читаешь подтекст каждого его взгляда, жеста или поступка.

Именно такое чувство у Алисы вызывал Альфред. И она не переставала удивляться столь поразительным различиям в характерах близнецов.

Было солнечное, ветреное воскресное утро. Несмотря на раннюю прохладу, день обещал быть жарким. Анна сказала, что немного попозже они поедут смотреть Костел. Что такое Костел, Алиса толком не поняла, но знала, что по ходу дела все выяснится. Она сидела в пустой столовой и листала одну из красочных книг, которые в большом количестве хранились в библиотеке этого дома. От открытого окна шла легкая прохлада.

Чувство приятной тишины нарушил странный хлопок, как будто стопка бумаг упала на пол, Алиса повернула голову к окну, и увидела девочку примерно своего возраста. Она положила на оконную раму огромную книгу, и, не замечая Алисы, резвым движением взобралась на подоконник.

Девочка своими округлыми формами очень напомнила Алисе Колобка. У нее были густые, прямые подстриженные под каре золотистые волосы, обрамляющие округлое лицо с пухлыми щечками, что еще более усиливало сходство с Колобком. Картину дополняли округлые и немного удивленные ярко-зеленые глаза. Девочка была в бесформенной белой футболке и коротеньких шортиках, а на плечах болтался немного сползший рюкзак.

Встав на подоконнике на пухлые коленки, она наконец увидела Алису. «Ты кто?» - читалось в ее глазах. Алиса растерялась, не зная, как реагировать. Девочка села на подоконник и собралась опустить ноги на пол. Алиса напряглась и привстала, как будто показывая, что готова звать взрослых.

Заметив это, девочка заговорила:

- Привет, меня зовут Шанталь, я одноклассница близнецов. Мы с Альфредом друзья, а еще вместе ходим на кружок альпинистов. Он говорил, что у них дома сейчас гости. Ты, наверное, и есть гость?

Немного расслабившись, Алиса ответила:

- Да... Меня зовут Алиса.

Девочка улыбнулась, схватила с подоконника книгу, и сказала:

- Приятно познакомиться, - а затем добавила: Я к Альфреду, - и выбежала в гостиную.

Алиса через несколько минут снова погрузилась в изучение книги, а спустя какое-то время пришла Анна и сказала, что пора ехать. За руль села Кайза, которая выглядела очень нарядно: на ней было праздничное черное платье с белыми вставками на лифе и юбке. К

платью в тон была подобрана небольшая шляпка, Кайза ярко нарядилась, а окончательности образу добавляли лакированная маленькая сумочка и туфли на высоких шпильках.

Платье было неприлично обтягивающим в бедрах и талии, а разрез на юбке казался неприлично глубоким, но Алиса за эти дни успела привыкнуть к вызывающему внешнему виду Кайзы. Анна была, как всегда, в брюках, блузке свободного кроя и туфлях на низком каблуке. И Алиса поймала себя на мысли: «Жаль, что мама не одевается так, как Кайза, круто было бы».

Дорога до Костела заняла минут 10-15. Во время поездки Анна рассказала Алисе, что Костел – это церковь, в которую ходят католики. И они сейчас едут смотреть на это архитектурное великолепие, а также слушать пение католического хора. Алиса не понимала, интересно ли это, но судя по праздничному настрою взрослых, предполагала, что скучно не будет.

Остроконечные башни, высокие своды и разноцветная мозаика были красивы, но Алиса поймала себя на мысли, что подобное видела у себя дома, в Таллине, но не знала, что подобные сооружения, в которых располагаются различные конторы, когда-то были католическими храмами.

Многочисленная публика уселась на деревянные скамейки. Алиса расположилась между Анной и Кайзой и приготовилась смотреть на то, что будет происходить на сцене. Почти все сценическое пространство занял вышедший на подмостки детский хор. Дети были в белых рубашках и черных костюмчиках с бабочками. Они расположились на сцене в каком-то непонятном для Алисы порядке.

«Хм, я бы их расставила по росту, а то как-то некрасиво смотрятся», - подумала она, обведя хор внимательным взглядом. Когда ее взор достиг левого края, она там совершенно неожиданно увидела... Манфреда. Сначала Алиса не поверила своим глазам, но присмотревшись, поняла, что ошибки быть не может, такая специфическая внешность есть только у близнецов.

В набожность Манфреда Алисе верилось с трудом. И вообще, пение в церковном хоре никак не вязалось с образом хулиганистого мальчишки, который тайком от родителей делал петарды и коктейли Молотова на заднем дворе, периодически унижал своих товарищей по уличным играм, а также курил прямо в гостиной собственного дома.

Но сейчас Манфред казался каким-то другим. Более одухотворенным, что ли. У него было спокойное лицо, без привычной презрительной гримасы. Алиса невольно начала наблюдать за ним, пытаясь разгадать эту странную загадку.

Через определенное время вышел священник в длинной мантии и объявил, что сейчас будет перерыв, а потом начнется вторая часть концерта: выступление хора с солистами.

Во время перерыва люди начали ходить по залу и негромко разговаривать друг с другом. К хористам подошел концертмейстер и что-то им сказал, дети покивали головами, а потом разбрелись по сцене. Манфред отошел от своего места, посмотрел в зал и уголки его губ презрительно поползли вниз. Он буквально за доли секунд превратился в того самого Манфреда, которого Алиса уже знала.

Она озадаченно посмотрела на Кайзу, собираясь с духом, чтобы задать вопрос. Кайза это заметила, улыбнулась и спросила первой:

- Ну как тебе концерт?

- Ну... - начала Алиса, - я не думала, что Манфред поет в церковном хоре.

Кайза добродушно засмеялась.

- Он просто любит петь. И поет все, что угодно, в том числе и католические хоралы.

Алиса хотела сказать, что когда Манфред поет, то перестает выглядеть как последняя сволочь, но не знала, как это деликатно сформулировать. Немного подумав, она произнесла:

- Вот он когда поёт... Он становится другим.

Алиса опустила голову, боясь увидеть неудовольствие со стороны Кайзы.

- Он хорошо чувствует музыку и проникается нею, умеет передавать эмоциональный настрой, – ответила Кайза, и снова улыбнулась.

- А почему он стоит с краю, а не посередине? - спросила Алиса.

- Потому что он – первый дискант, - ответила Кайза.

Алиса хотела спросить, что такое «первый дискант», но не успела – началась вторая часть концерта, во время которой шли сольные выступления в сопровождении хора. Спело несколько солистов. Хотя Алиса не была фанатом подобной музыки, но должна была признать, что это пение действовало на нее умиротворяюще. Звук голоса, отражающегося от стен помещения, создавал особую атмосферу «парения». Никогда раньше Алиса не видела ничего подобного на музыкальных концертах.

Погрузившись в анализ эффекта церковного пения, она не заметила, как на площадку вышел Манфред. Когда священник объявил следующую песню, Алиса наконец вышла из задумчивости.

Увидев Манфреда на сцене, она испытала смешанное чувство страха и радостного ожидания. Манфред запел, и Алиса поймала себя на мысли, что это один из самых красивых голосов, какие она слышала. Это было удивительно и парадоксально. Алиса не могла понять,

как этот легкий, парящий в воздухе, прозрачный и серебристый голос может принадлежать тому злобному и ядовитому мальчишке, которого она знала.

Алиса слышала, что Манфред поет как-то не так, как предыдущие выступающие, но никак не могла сформулировать разницу. «Самый легкий голос?... Да, но не только... Что-то еще. Самый звонкий? Да, но тоже не то...» - Алиса безуспешно перебирала в голове варианты.

Из размышлений ее вывел голос Анны, которая, наклонившись к Кайзе прямо над головой Алисы, сказала: «Он когда поет, у него даже выражение лица меняется, как будто вообще другой человек». Алиса смотрела на Манфреда и понимала, что мама права – он менялся до неузнаваемости – в его взгляде, в энергетике, которая от него шла во время пения, было что-то прекрасное. Это было больше, чем просто красивый голос. Алиса не могла поверить, что такое бывает.

До самого конца концерта Алиса сидела в состоянии какого-то странного оцепенения и ощущения, что это все как-то не по-настоящему, что так не бывает. Когда концерт окончился и публика начала медленно вставать со скамеек, Алиса попробовала приподняться, и почувствовала, что у нее от переизбытка впечатлений кружится голова, но постаралась этого не показать.

Манфред, спустившись с подмостков, посмотрел исподлобья в сторону Алисы, Анны и Кайзы, и презрительно ухмыльнулся.

Насыщенный эмоциями день постепенно близился к концу, на улице начинало темнеть и все потихоньку разбрелись по комнатам, желая отдохнуть.

Алиса зашла в кабинет, который все почему-то называли «классной комнатой». Возле окна стояло старинное резное пианино. Алиса тихонько к нему подошла, как будто опасаясь собственных действий, и приоткрыла крышку. Нажав первую попавшуюся клавишу, она попробовала повторить звук голосом. С третьей или четвертой попытки это наконец-то удалось. Таким же образом она преодолела еще несколько нот, и, увлекшись этим занятием, не заметила, как приоткрылась дверь.

Послышавшийся из-за спины голос заставил Алису испуганно вздрогнуть:

- Ты сегодня была в Костеле, наверное?

Алиса обернулась и увидела улыбающегося Альфреда.

- Ага... - смущенно ответила она, - Я уже ухожу.

- Да ты не стесняйся, - ответил Альфред, - этот этап проходят все, кто слышит пение Манфреда в первый раз.

Алиса засмеялась и нажала пальцем на клавишу, а затем сказала:

- Я вот эту ноту произнесла, но чувствую, что это как-то не так, как поет Манфред.

Альфред посмотрел на пианино и добродушно засмеялся.

- Ты поешь там же, где мы все – «простые смертные», а Манфред поет вот здесь, - и Альфред нажал на клавишу, соответствующую какой-то запредельно высокой ноте.

- Ого... - изумленно произнесла Алиса.

- Ага, - ответил Альфред, - мы это не достанем даже, а он поет очень легко, и когда слушаешь, то кажется, что можешь легко повторить, но на самом деле это не так. Вообще Манфред, мягко говоря, не самый лучший человек, какого я знаю, но нужно признать, что в пении у него действительно редкостный талант.

Часть 2

Прошла почти неделя с того момента, как в дом Манфреда приехали гости. Происходящее вызвало у него в душе настоящий переворот, такого обилия эмоций он не испытывал давно. Причем, эмоции имели широчайший диапазон и высочайший градус. Совершенно непривычное и в то же время волнующее чувство к Алисе соединилось с каким-то патологическим страхом перед нею.

На это накладывалась вовлеченность в не менее интересную эмоциональную игру, происходившую между Кайзой, Анной и Маттиасом. Манфред наблюдал, как они все стараются делать вид, что ничего не происходит. Причем, обманывать они пытались не только друг друга, но и самих себя. Но Манфред чувствовал, как с каждым днем росло напряжение отца, который должен был уехать в командировку через несколько дней, и как усиливалась плохо скрываемая страсть между его матерью и Анной. Кайза всегда великолепно выглядела, но сейчас ее уход за собой дошел до фанатизма. Манфред замечал, с каким упоением она наряжалась, стремясь понравиться Анне.

Каждая встреча с Алисой заставляла сердце Манфреда бешено колотиться, а желудок – болезненно сжиматься от волнения. Но самым неприятным было какое-то тотальное ощущение собственного бессилия и неспособности перешагнуть через страх. Манфред видел, что его брат спокойно общается с Алисой, но не мог заставить себя поступать точно так же.

Ему казалось, что между ними стоит непреодолимая преграда, и что Алиса никогда не будет общаться с таким, как он. Где-то в глубине души Манфред понимал, что это не так, но стоило его глазам встретиться с ее смелым, спокойным взглядом, как всю его волю тут же парализовало, и единственное, что он мог делать в такой ситуации – иронизировать и отпускать колкости.

Манфред понимал, что только усугубляет ситуацию таким своим поведением, но все больше проваливался в эмоциональную яму, чувствуя себя неспособным что-то изменить в собственном поведении. Ему особенно запомнился один случай. Действия Манфреда в той ситуации нельзя было назвать самыми недостойными, но он особенно остро почувствовал в тот момент абсурдность собственного поведения.

Алиса с Кайзой и Анной вернулись из магазина, и Алиса, сидя в гостиной на диване, пыталась открыть купленный чемодан. У него была новая конструкция замка, но Манфред с такими приспособлениями уже сталкивался. Он, спускаясь по лестнице со второго этажа, увидел мучения Алисы. Первым желанием было подойти и помочь, но тут же возникло привычное чувство страха, которое заставило Манфреда остановиться на несколько секунд. После этого, собравшись с духом, он подошел к Алисе, намереваясь, наконец, поступить так, как считал правильным, но как только она посмотрела ему в глаза, страх снова вернулся. И Манфред сам не заметил, как привычно съязвил, пытаясь скрыть волнение:

- Не все отличаются сообразительностью.

Но тут же совладал с собой и помог Алисе открыть чемодан.

Воскресенье стало для Манфреда волнительным днем, хотя выступление в церковном хоре было для него привычным делом. Иногда знакомые спрашивали Манфреда: «Раз ты поешь в Храме, то должен быть набожным человеком. Почему же ты иногда так неправильно себя ведешь?» И Манфред с удивлением отмечал, что многие люди вообще не понимали аргумента: «Я не религиозен, просто в Костеле дают хорошую вокальную подготовку». Манфред умел отличить хорошее пение от плохого, и знал, что выступления с хором – это бесценный опыт на пути к его мечте о певческой карьере.

Но в это воскресенье его заставил волноваться совсем не вокал. Манфред знал, что на концерт придет Алиса. И знал, что пение – это единственная возможность произвести на нее впечатление. Ведь исполнение песен – это то, в чем Манфред чувствовал себя по-настоящему уверенным, и что позволяло ему раскрывать лучшее в себе. Он неоднократно ловил себя на мысли, что хочет сказать или сделать что-нибудь хорошее, но не может, что-то внутри мешает ему. Но он всегда это мог выразить через музыку.

Манфред приехал в Костел заранее, переоделся, отрепетировал выступление вместе с остальными участниками, и вот настало время выходить на сцену. Он чувствовал, что ноги стали ватными, внутри все сжалось, а вены на шее и висках начали бешено пульсировать. Идя по сцене до своего места, Манфред думал: «Только бы не споткнуться и не упасть». Очень хотелось посмотреть в зал, но было страшно.

Все первое отделение он старался не смотреть на зрителей, потому что боялся, что от волнения перехватит дыхание, и он собьется. Но, при этом, старался петь так, чтобы Алиса, которая точно сидела где-то в зале, увидела его хоть немного другим. Когда начался перерыв, Манфред обвел взглядом зал и увидел Алису. Ее глаза радостно светились, и у него как будто упал камень с души. Но впереди был главный экзамен – сольное выступление.

Дождаясь своего выхода, Манфред периодически поглядывал на Алису, любуясь ее задумчивым лицом и плечиками в темно-красной кофточке. Это была редкая возможность так долго на нее смотреть, и когда подошла очередь Манфреда выступать, он был в радостно-умиротворенном состоянии, которое вылилось в пение. По окончании концерта Манфред снова посмотрел на Алису. Он знал, что сделал все, что мог, и с удовольствием заметил, что она под впечатлением.

Приехав домой после концерта, он какое-то время отдыхал в кресле, чувствуя, как спадает напряжение. А потом услышал, что Алиса в «классной комнате» проверяет свой голос. Первое желание было – пойти к ней подсказать, как правильно брать дыхание и направлять звук, но Манфред тут же остановил себя. А потом к Алисе зашел Альфред. «Ну конечно, как всегда», - подумал Манфред, злобно прищурился и поджав губы.

Сцена четвертая. Мечта о концерте

Часть 1

Прошло несколько дней. В доме была едва заметная суета, связанная с предстоящей длительной командировкой Маттиаса. Прислуга готовила ему вещи в дорогу, а сам он был постоянно погружен в решение всех тех вопросов, с которыми нужно было разобраться до отъезда.

Между тем, была и еще одна странная суета. Алиса из окна увидела, как Манфред во дворе о чем-то увлеченно рассказывает своим приятелям Илмари и Тапио. У него горели глаза и, казалось, что он в каком-то состоянии эйфории. Манфред был без рубашки, и Алиса заметила, что у него через весь торс идут странные шрамы.

Манфред что-то рассказывал и увлеченно жестикулировал, собеседники так же эмоционально отвечали ему. Наблюдая за троицей, Алиса не заметила, как зашел Альфред.

- Да уж, Манфред сам не свой, - сказал Альфред, увидев, куда смотрит Алиса.

- А что происходит? – спросила она.

- На следующей неделе, в пятницу, приезжает группа Kiss. Манфред давно бредил нею, и вот сегодня утром они с мамой ездили в город, купили ему билеты на концерт. Теперь сходит с ума от счастья.

- А что у него за шрамы на груди? - поинтересовалась Алиса.

Альфред ухмыльнулся.

- Мы раньше каждое лето ездили на Карибские острова, у нас там есть дача. И Манфред очень любил плавать с акулами.

- С акулами? – удивленно переспросила Алиса.

- Да, - ответил Альфред, - самое интересное, что они его не трогали. Как он с ними общался, как нашел к ним подход – это до сих пор для всех загадка. Но в какой-то момент Манфред себя неправильно повел, и акула его укусила. На груди у него следы от нижних зубов, а на спине – от верхних. Укус был не страшный, и, возможно, шрамов не было бы, если бы он сразу сказал маме. Но он знал, что она будет ругаться, поэтому не стал говорить. Маме очень не нравилась его «дружба» с акулами, но оно и понятно. В общем, он прятал укусы несколько дней, пока не заработал заражение крови и не попал в реанимацию. Его еле спасли тогда, потому что нужно было постоянное переливание крови, а в больнице Гренады не хватало крови с отрицательным резусом, заказывали ее с материка, и мама каждый день сдавала. Ну и вот шрамы остались от нагноившихся ран.

- Да уж... Ничего себе, - удивленно ответила Алиса.

Маттиас приехал домой на обед. По нему было видно, что он уже немного замучен сборами и раздражен. Он почти на автомате отдавал приказы прислуге, а та, в свою очередь, соглашалась на все его просьбы и спешила скрыться с глаз, чтобы не получить дополнительных заданий.

Сняв пиджак, Маттиас утомленно сел на диван и взял газету. Спустя несколько минут зашел Манфред, накидывая на плечи порядком измятую рубашку.

- Манфред! – воскликнул Маттиас.

Манфред остановился и нерешительно посмотрел на отца.

- В следующую пятницу вечером к нам в офис приедут партнеры из Австрии и отправятся смотреть объекты. В течение дня я буду присылать документы на наш домашний факс, а тебе надо будет их получать и отправлять водителя с ними к гостям. А вечером вам с мамой, Альфредом и Кристиной надо будет приехать на банкет.

Манфред приоткрыл рот, как будто собираясь что-то ответить, но тут же сник и как будто обмяк.

- Х-хорошо... - растерянно ответил он и неуверенным шагом побрел на второй этаж.

Алиса увидела Альфреда в кабинете сквозь открытую дверь. Он что-то чертил на бумаге и не слышал шаги. Алиса зашла в кабинет, и Альфред поднял голову.

- Я, честно говоря, не понимаю, - начала она.

- Чего, - спросил Альфред.

- Ну, вот Манфред собирался на концерт в следующую пятницу. Почему он не сказал отцу? У вас так не принято, отец такой строгий?

- Нет, - ответил Альфред и засмеялся, - это Манфред такой. Вот он вроде бы такой смелый и боевой, когда на улице гуляет.

- Ага, - поддакнула Алиса.

- Но отца боится как огня, как будто отец – монстр какой-то. А на самом деле наш отец – вполне адекватный человек. Он дал задание Манфреду, потому что тот слоняется без дела. Отец ведь не знает о концерте. Но был бы Манфред нормальным человеком, сказал бы папе об этом. Работу с отцовскими партнерами всегда есть кому поручить. Да, в конце концов, мы с Шанталь этим можем заняться, у нас нет никаких планов на следующую пятницу.

- Да уж... - ответила Алиса, - из-за такой глупости без концерта останется.

- Да не останется, - ответил Альфред, мама отпустит Манфреда на концерт, а в кабинет кого-нибудь другого посадит.

Часть 2

Смелый вызов обществу, дерзость и эпатажность группы Kiss давно вызывали у Манфреда восхищение, да и сама музыка нравилась. Иногда он пытался исполнять их песни, хотя и понимал, что они написаны не для его голоса. И вот, наконец, Kiss должны были давать концерт в Хельсинки.

Окрыленный этим событием, Манфред забыл обо всем на свете и считал дни до этого знаменательного выступления. Самым приятным событием последних дней стала покупка билетов на концерт, и теперь оставалось только дожидаться заветного дня. Еще одним радостным событием для Манфреда был предстоящий длительный отъезд отца. Наконец-то он сможет вздохнуть свободно и не чувствовать гнёт этого тирана.

Пообщавшись с Илмари и Тапио, довольный Манфред пришел домой. На душе было чувство легкости, а волнительное ожидание концерта приятно щекотало нервы. Манфред зашел в гостиную беззаботной походкой, и довольно неожиданно увидел ОТЦА. Да, Манфред знал, что ОН должен был прийти домой на обед, но не ожидал увидеть его так рано. Чувство неприятного холодка пробежало по телу Манфреда.

- Манфред! – сказал Маттиас.

Манфреду, который хотел побыстрее уйти с отцовских глаз, пришлось остановиться. Внутри все неприятно сжалось, и Манфред нерешительно посмотрел на отца, зная, как тот звереет, когда Манфред прячет взгляд.

- В следующую пятницу вечером к нам в офис приедут наши партнеры из Австрии и поедут смотреть объекты. В течение дня я буду присылать документы на наш домашний факс, а тебе надо будет их получать и отправлять водителя с ними к гостям. А вечером вам с мамой, Альфредом и Кристиной надо будет приехать на банкет, - сказал отец.

Манфред почувствовал, как у него перехватило дыхание. И первое желание было – сказать о концерте, которого он так долго ждал и на который уже купил билеты. Но чувство тотального бессилия перед этим тираном, который никогда не оставляет Манфреду права выбора, всегда решает за него, одолело Манфреда. Он почувствовал, как ноги становятся ватными и из-за каприза этого диктатора рушится его мечта.

- Х-хорошо... - ответил он, испытывая смешанное чувство растерянности, подавленности, отчаянья и бессильной злобы, а затем, стараясь собраться с силами, побрел на второй этаж.

Сидя на своей кровати прямо в уличных брюках, Манфред плакал от злости и бессилия. «Ненавижу! Ненавижу тирана! Ненавижу!» - крутилось у него в голове. Манфред не мог понять, почему отец всегда вмешивается в его жизнь, решает за него, все портит ему, постоянно командует и что-то требует, вообще не считаясь с его желаниями. Отец был чем-то наподобие непреодолимой стены. Монстром, которого невозможно победить.

Манфред вскочил с кровати и побежал вниз, в кабинет, где отец оставлял свои вещи, когда приезжал домой на обед. Закрыв дверь изнутри на замок, Манфред вошел в состояние, которое представляло собой смесь эйфории и вырвавшейся на свободу злобы.

На диване лежал отцовский рабочий портфель с документами. Манфред схватил его и высыпал содержимое на диван. Затем взял со стола перочинный нож и с упоением начал ковырять им замок портфеля. Успокоился он только когда замок пришел в негодность. Потом Манфред положил документы обратно, достал из шкафчика пузырек с чернилами и с чувством злобной радости вылил его содержимое прямо на документы.

После этого Манфред сел на диван, его голова слегка кружилась, как при опьянении. Зато наступило чувство приятного облегчения. Он решил встать, но заметил на диване ручку, которая выпала из портфеля. Волна эмоций снова захлестнула Манфреда, он схватил ручку и со всей силы переломил ее пополам, а затем вскочил с дивана, подошел к столу и с особым

смаком, одну за другой переломал все ручки и карандаши. После этого, испытав долгожданное облегчение, он вышел из кабинета.

Сцена пятая. Ужин

Часть 1

Прошло несколько дней с того момента, как Маттиас уехал в командировку. Что-то изменилось в доме... Алиса чувствовала, что мама часто мысленно отсутствовала и была постоянно погружена в общение с Кайзой. Но неприятнее всего было то, что Манфред как будто потерял всякий страх и стал постоянно язвить и отпускать колкости. Его взгляд стал более смелым и наглым, а язык более острым. Казалось, что Маттиас был для него цепью, а сейчас эта маленькая злобная собачонка пошла в разгул.

Алиса уже привыкла к тому, что каждый прием пищи превращался в своеобразный бой между Манфредом, который отказывался есть, и Кайзой, которая его заставляла. Исключением стал только один ужин. В тот день Алиса с мамой ездили в город, посетили кинотеатр и несколько магазинов, купили Алисе летний костюмчик. Она его надела вечером и за ужином погрузилась в себя, вспоминая просмотренный фильм и думая о том, на какие мероприятия она наденет купленные вещи у себя в дома.

Из размышлений ее вывел удивленный и радостный возглас Кайзы:

- Ты съел всю порцию?!

Алиса подняла глаза и увидела, что Манфред сидит перед пустой тарелкой. Альфред и Кристина к этому времени закончили ужинать и уже ушли. Манфред неприязненно взглянул на Алису, вынудив ее сделать вид, что она на него не смотрит.

- А можно еще?... – неуверенным голосом спросил он.

- Что??? – изумленно воскликнула Кайза, широко раскрыв глаза, - Да, конечно, сейчас!

И она, вместо того, чтобы позвать прислугу, сама побежала за дополнительной порцией. Манфред в это время окинул Алису неприязненным взглядом, а когда Кайза вернулась, уткнулся в тарелку с едой. Ел он странно – то глотая целые куски, то останавливаясь и с отвращением глядя на еду. А затем, не доев порцию, вскочил и убежал из столовой.

Часть 2

После отъезда отца Манфред наконец-то мог почувствовать себя свободным. Это очень радовало, но, в то же время, Манфред чувствовал, что все больше и больше отталкивает от себя Алису. Он многократно пытался заговорить с ней и показать себя с лучшей стороны, но

неизменно скатывался к язвительности и колкостям. Он меньше всего хотел причинять ей боль, но не мог остановиться.

Между тем, Манфред не упускал ни одной возможности полюбоваться Алисой, пусть и издалека. И вот в один из вечеров такая возможность представилась в полной мере. В этот день Алиса с мамой ездили в город и пополнили свой гардероб новыми вещами. Алиса пришла к ужину в новом костюмчике, состоявшем из короткой бордовой юбочки и открытого топа такого же цвета.

За столом Алиса сидела примерно в двух метрах от Манфреда, и он краем глаза наблюдал за ней. Алиса периодически наклонялась над тарелкой, обнажая верхнюю часть груди. Тот, кто к ней ничего не испытывал, скорее всего, и не обратил бы на это внимания, но Манфред ловил себя на мысли, что не может оторвать глаз от ее груди и плеч. Алиса периодически отодвигала руку вбок, и под мышкой оголялся краешек шрама. Манфред знал, что у нее была операция на сердце, и этот шрам казался каким-то особенно трогательным и привлекательным.

Алиса была погружена в свои мысли, что давало Манфреду возможность беспрепятственно на нее смотреть. Этот вечер был для него настоящим подарком. Как будто сами обстоятельства сложились так, чтобы он мог полюбоваться нею. Манфред не знал, сколько времени он гладил глазами ее плечи и грудь, но в какой-то момент почувствовал... напряжение внизу. В первые секунды это не вызывало у него неловкости, потому что такое уже бывало, и он знал, что для мальчиков-подростков это норма, но когда Альфред встал из-за стола, и громко положил вилку в тарелку, Манфред опомнился. Он осознал, что сидит в столовой, в окружении людей, и меньше всего ему хочется конфуза.

Он попробовал успокоиться и несколько раз глубоко втянул носом воздух, но взгляд снова и снова предательски обращался на Алису. Какое-то время Манфред безуспешно пытался совладать со своим телом, но когда из-за стола встала Кристина, он понял, что если сейчас тоже встанет, то все окружающие станут свидетелями его состояния.

Манфред опустил глаза и увидел в тарелке столь ненавистную еду, которая в этот момент стала для него единственным спасением. Он принялся через силу заталкивать в себя пищу, давая себе время на то, чтобы вернуться в расслабленное состояние. Неимоверным усилием воли он заставил себя съесть всю порцию и снова посмотрел на Алису. Он радовался, что она все еще сидит и дает ему возможность смотреть на себя, но, в то же время, злился из-за того, что ее присутствие не дает ему возможности совладать с собой.

Сейчас Манфреду нужно было вставать, но внизу все по-прежнему оставалось каменно-твердым. Ему ничего не оставалось, кроме как произнести:

- А можно еще?....

- Что??? – воскликнула Кайза с изумлением, и добавила: Да, конечно, сейчас!

Каждый кусок пищи из второй порции вызывал у Манфреда болезненные спазмы желудка и рвотные позывы, но его организм все еще не сдавался. Промучившись так несколько минут, он почувствовал, что напряжение начало ослабевать. Стараясь максимально растянуть трапезу, он дождался того момента, когда его состояние стало незаметным под достаточно широкими брюками, вскочил из-за стола и побежал на второй этаж.

Вбежав в ванную комнату, Манфред заперся, поднял крышку унитаза и наклонился над ним, чувствуя, что уже не в силах сдерживать рвоту. Поскольку он давно не употреблял такого количества пищи, желудок реагировал сильной болью, и сначала с неукротимой рвотой вышла пища, а потом пошла жёлчь. В перерывах между спазмами Манфред от слабости и головокружения приседал на пол, а в голову предательски лезла мысль: «Блин, а как же классно было за столом!»

Сцена шестая. У каждого свои приключения

Часть 1

Алиса с интересом рассматривала непривычный интерьер кафе, в которое ее привели Альфред и Шанталь. Это странное заведение под названием McDonald's представляло собой нечто среднее между обычным кафе и столовой, только оформлено было ярко и интересно. Не менее странными и непривычными казались Алисе картошка-фри и огромный бутерброд под названием Биг Мак.

- Ну как тебе у нас? – спросила Шанталь.

В этот день она была в той же самой бесформенной футболке, что и при их первой встрече с Алисой. Только вместо рюкзака на плече болталась большая бесформенная сумка из ткани, похожей на мешковину. Тем не менее, Шанталь выглядела вполне уверенной в себе. Перед походом в Макдональдс Алиса узнала, что она – француженка, дочь сотрудников французского консульства в Финляндии. Это объяснило столь странное, непривычное для скандинавов имя, но вызвало у Алисы, считавшей француженок эталоном стиля, изящества и женственности, глубокое чувство противоречия.

- Интересно, - ответила Алиса и улыбнулась, - есть много такого, чего нет у нас.

- А еще у вас нет Манфреда, - ответила Шанталь, выглянув в окно, слегка поморщившись и затянувшись напитком через соломинку.

В нескольких десятках метров от кафе прошел Манфред, о чем-то громко разговаривая с компанией мальчишек.

- Да уж, это точно, - сказала Алиса, а про себя подумала: «Похоже, Шанталь не пылает к нему любовью», и от этой мысли стало как-то особенно приятно, потому что Алисе в последнее время начало казаться, что общение с Манфредом не ладится только у нее.

- А чем он тебе не нравится? – спросила Алиса, пересиливая чувство неловкости и желая узнать, только ли в ее адрес он отпускает бесконечные колкости.

Шанталь с Альфредом переглянулись и слегка засмеялись.

- Ну, он... - начал, смеясь, Альфред.

- Мне кажется, он немного того! – перебила его Шанталь, и покрутила пальцем у виска.

- Ого! – не без тайного удовольствия воскликнула Алиса.

- Он хорошо учится, - продолжила Шанталь, - но в остальном мне он совершенно не понятен. Такое чувство, что он всегда всем хочет делать назло и ни одним делом не может серьезно заниматься. Кажется, что он считает все правила каким-то злом, которое придумано, чтобы его обидеть, а всех вокруг – недоброжелателями. С ним невозможно разговаривать, такое чувство, что когда ему что-то серьезно говоришь, он специально начинается стесаться. Некоторые наши одноклассники гладят его по шерстке, но я так не могу, мне периодически хочется его убить!

- Да, я представляю, - ответила Алиса, понимая, что испытывает к нему что-то подобное, - мне он тоже не нравится, очень неприятный.

Алиса максимально смягчила оценку, стесняясь признаться, что он морально издевается над ней, а она совершенно не может дать ему отпор.

- Мне кажется, он как-то странно настроен по отношению к тебе, - сказал Альфред Алисе, - не сказал бы, что враждебно, но как-то недоброжелательно.

У Алисы все неприятно сжалось внутри.

- Да, и мне так кажется, - уклончиво ответила она.

- Ну и дурак твой Манфред, - сказала Шанталь, повернувшись к Альфреду.

Альфред, укоризненно посмотрев на нее и сделав небольшую паузу, ответил:

- Он не мой, я его себе не выбирал.

Шанталь и Алиса засмеялись. Алиса надеялась, что неприятная тема исчерпана, но Шанталь спросила у Альфреда:

- А в чем выражается эта недоброжелательность?

У Алисы внутри все неприятно сжалось.

- Он как-то злобно смотрит на Алису, - ответил Альфред, - и напрягается, что ли, в ее присутствии.

- А ты что-то такое замечаешь? – спросила Шанталь у Алисы.

- Ну да... - ответила она нерешительно, - тоже вижу эти неприятные взгляды. А еще он может что-нибудь неприятное сказать.

- А что, например? – спросил Альфред.

Этого вопроса Алиса боялась больше всего. Но, собравшись с духом, ответила:

- Ну, вот, например, сегодня утром такое было. Я спустилась в гостиную, погрузившись в свои мысли, и не заметила вашу маму, которая стояла возле окна. В итоге, я села на диван и начала смотреть журналы, не поздоровавшись с нею. Тогда она сама подошла и поздоровалась. А Манфред шел по коридору и видел это. Потом, когда мы с ним пересеклись в столовой, он очень неприятно посмотрел на меня, скривился и сказал: «Да уж, воспитанность – удел далеко не каждого».

Алиса сделала небольшую паузу, чтобы посмотреть на реакции Альфреда и Шанталь, и понять, не оценивают ли они ее поведение точно так же, как Манфред. Не увидев осуждения, она немного растерянно добавила:

- Но я же правда не видела, я бы поздоровалась...

- Да не страшно, - сказал Альфред, - это мелочь, мама точно на такое не обижается.

- В этой ситуации, может быть, нет ничего страшного, - немного эмоционально добавила Алиса, - но такое каждый день! Мне, честно говоря, очень неприятно...

Алисе было стыдно говорить на эту тему, но, в то же время, она испытала чувство облегчения от того, что высказалась.

- А ты взрослым говорила об этом? – спросил Альфред.

- Нет, не хочу, чтобы они знали, - ответила она.

- Ну да, понимаю тебя, - сказал Альфред, а про себя подумал, что надо будет все-таки рассказать маме о происходящем, чтобы она поговорила с Манфредом. Иначе это будет продолжаться бесконечно.

Часть 2

В доме было душно, и Манфред проснулся от того, что захотел пить. Он глянул на часы, висевшие на стене, и увидел, что сейчас двадцать минут первого ночи. Он встал и тихонько вышел в коридор. Оказавшись на лестнице, он увидел, что в кабинете горит свет.

Манфред тихонько спустился по лестнице и подошел к кабинету. Несколько минут он простоял, прислушиваясь к происходящему. Тишину периодически нарушал звук шуршащих бумаг.

Он слегка приоткрыл дверь и заглянул внутрь. За рабочим столом сидела Кайза и перебирала фотографии. В глаза Манфреду бросился открытый сейф. Детям никогда не

разрешали смотреть его содержимое. Отец говорил, что там хранятся документы, но Манфред догадывался, что это не совсем так. Маттиас никогда не прятал от семьи даже самые важные документы, поэтому Манфред понимал, что там было еще что-то кроме них. И теперь Манфред понимал, что.

Кайза вздрогнула и растерянно посмотрела на Манфреда, который аккуратно протиснулся в слегка приоткрытую дверь. Кайза нервно привстала.

- Манфред, что такое? Почему ты не спишь? – спросила она, пытаясь изобразить уверенность, но Манфред увидел ее смущение.

- На фотографиях вы с Анной? – почти шепотом спросил он, как будто пытаясь таким образом смягчить достаточно неожиданный для Кайзы вопрос. Он с такого расстояния не мог рассмотреть изображения на снимках, но интуиция ему подсказывала, что они связаны с отношениями его матери и Анны.

В глазах Кайзы появился испуг, смешанный с изумлением. Она, видимо, хотела что-то ответить, но у нее перехватило дыхание, и она застыла с приоткрытым ртом.

Манфред, воспользовавшись этим, подошел ближе и посмотрел на фотографии. Они были по большей части черно-белыми, хотя попадались и цветные, слегка подкрашенные художником в соответствии с модой 15-20-летней давности. На фотографиях были молодые Кайза и Анна, целующиеся на городской набережной и развлекающиеся на прогулочной яхте с компанией друзей.

Манфред оторвал взгляд от фотографий и перевел его на Кайзу. Она так же растерянно и испуганно смотрела на сына.

- Мам, я давно об этом знаю, - сказал Манфред спокойным голосом, пытаясь как-то снять испуг Кайзы.

- Как?... – с трудом выговорила она.

- Я еще лет пять назад узнал, что тебе нравятся женщины, видел тебя с Дьяволицей, - ответил Манфред максимально спокойным и мягким голосом, - Я потом даже ходил к ней.

- Что? – воскликнула Кайза, и в ее глазах снова прочитался испуг.

- Я ей не говорил ничего о том, что видел вас, мне просто было интересно, какая она, чем понравилась тебе, - сказал Манфред, и аккуратно присел на ручку кресла, в котором сидела Кайза.

- Я очень давно заметил, что ты не любишь папу, - продолжил он, а Кайза на него посмотрела умоляющим взглядом, - хотя ты для него очень хорошая жена, но он тебя любит, а ты его нет. Другие этого не видят, а я вижу. А потом увидел вас с Дьяволицей и все понял.

Кайза по-прежнему смотрела испуганно, но уже мягче.

- Но я видел, что она просто интересна тебе, и не больше, ты ее не любишь. Но я тогда понял, что есть женщина, которую ты любишь по-настоящему, но не знал, кто она. А когда увидел Анну, догадался обо всем.

Манфред улыбнулся.

- Надо же... - растерянно ответила она, - не думала, что кто-то догадается.

- Ну, я же тебя хорошо знаю! – сказал Манфред, хитро и немного кокетливо улыбнувшись, и обняв Кайзу.

- А расскажи о ваших отношениях, - добавил он, глядя на фотографии, и продолжая сидеть в обнимку с Кайзой.

- Не нужно... - неуверенно ответила Кайза и легонько отстранила от себя Манфреда.

- Ну мам... - воскликнул Манфред и посмотрел на Кайзу умоляющими глазами, - ну пожалуйста.

Он с наигранной застенчивостью склонил голову на бок и улыбнулся.

- Ну хорошо... - растерянно ответила Кайза.

Манфред снова улыбнулся с плохо скрываемым удовольствием, взял со стола фотографии и начал их смотреть, периодически поглядывая на Кайзу.

- Мы вместе учились в гимназии, - начала она, - Анна появилась у нас во втором классе, ее родители тайком выслали из Эстонии, которая стала частью СССР. У нас в общежитии были соседние кровати, и мы сначала подружились, а потом... - Кайза не знала, как деликатнее сформулировать.

- Ну, понятно, - ответил Манфред, снова хитро улыбнувшись и немного прищурившись.

- Это длилось класса с седьмого и до конца школы. Потом мы стали вместе жить в квартире, которая мне досталась от покойной тети. Я поступила в художественный колледж, а Анна – в автомобилестроительный. В 16 лет я вступила в права наследования и получила доступ к банковским счетам, которые мне оставили родители, - Кайза перевела взгляд на фотографии, на которых они с Анной веселились на дорогой прогулочной яхте, - я до этого и подумать не могла, что настолько богата...

- Это плохо? – спросил Манфред.

- Да нет, - ответила Кайза, - слегка засмеявшись, - просто мы с Анной их просаживали на яхты, вечеринки и дорогие вещи. Все было замечательно! – в глазах Кайзы появился счастливый блеск, - пока Анне не пришлось уехать.

Сказав последнюю фразу, Кайза немного сникла.

- Почему она уехала? – спросил Манфред.

- Ей в посольстве СССР сообщили, что заболели родители и ей предоставили право съездить к ним. Мы знали, что представляет собой СССР, но Анна 10 лет не видела родителей и не смогла отказаться... - Кайза вздохнула, - Ну а потом она просто не смогла оттуда выехать, ее не выпустили. Ее и заманили туда обманом на самом деле, она понадобилась родственникам, которые заняли какие-то крупные государственные посты. Но это уже другая история...

- В общем, - продолжила Кайза, - мы могли только изредка переписываться. Она несколько лет пыталась добиться возможности выехать из СССР, но ничего не получалось. А потом она написала, что вряд ли получится...

Кайза посмотрела на Манфреда, и он увидел в ее глазах грусть.

- Она потеряла надежду? – спросил он.

- Да... - ответила Кайза, - Маттиас ходил за мной по пятам еще когда мы жили вместе с Анной. Он тогда был молодым мальчишкой, приехавшим из провинции, чтобы зарабатывать деньги. Меня интересовала только Анна, а он постоянно старался попасться мне на глаза, ходил на все мероприятия, которые я посещала, пытался помогать, а я все время ставила грань. И вот в том письме мне Анна написала, что вряд ли она сможет когда-либо выехать из СССР, и что мне не нужно тратить свою жизнь на ожидание... - голос Кайзы задрожал.

Манфред обнял ее и сказал:

- Да, для тебя это было ударом...

- Она написала, чтобы я выходила за Маттиаса, что он – хороший человек и любит меня.

Манфред посмотрел на Кайзу. Она закусила нижнюю губу, чтобы не расплакаться, но подбородок предательски дрожал.

- Ну, ты и вышла... - печально ответил Манфред.

- Да, - сказала Кайза, - Я не разочарована, у нас замечательная семья...

- Но ты все равно любишь Анну, - перебил ее Манфред, и улыбнулся.

- Да, - также улыбнувшись, ответила Кайза.

Манфред увидел, что мама готова доверять ему в этом, и снова обнял ее.

Сцена седьмая. Конфликт

Часть 1

День был ясным и солнечным, но каким-то бесконечно длинным и скучным. Анна пыталась отремонтировать машину Кайзы, которая утром заглохла, а Алиса сидела рядом и

наблюдала за происходящим. Она ждала, когда машина будет отремонтирована, и они с мамой смогут поехать к морю.

Задумавшись о морском купании, Алиса отключилось от происходящего вокруг, и вернулась к реальности, только когда Анна окликнула ее и попросила набрать на складе с инструментами бензина из канистры во флягу. Склад находился примерно в 100-ти метрах от гаража, в противоположной стороне сада. Алиса лениво встала, взяла флягу и пошла за бензином.

Мягкий прохладный ветерок создавал приятное ощущение свежести, легкости, и в то же время какой-то расслабленности. Погрузившись в это приятно-отрешенное состояние, Алиса дошла до склада, набрала бензина и двинулась обратно.

На этот раз из состояния задумчивости ее вывел звонкий голосок Манфреда, послышавшийся из-за деревьев. Манфред о чем-то смеялся со своими друзьями, сидя за деревянным столиком, который находился как раз на полпути между складом и гаражом. «Вот блин, и когда они успели сюда прийти?» - с досадой подумала Алиса. Хотя ей меньше всего сейчас хотелось видеть Манфреда, но сворачивать на другую дорожку и делать круг тоже не хотелось. Поэтому Алиса собралась с духом и двинулась в ту сторону, откуда доносились голоса.

Выйдя из-за деревьев к площадке со столиком и скамейками, Алиса увидела компанию мальчишек во главе с Манфредом. Они крутились вокруг стола, над чем-то смеялись и курили. На столе лежали пачка сигарет и зажигалка. Алиса постаралась сделать вид, что их присутствие ее никак не задевает, уткнулась глазами в дорожку и попыталась пройти мимо. Когда она почти поравнялась с Манфредом, с его стороны раздался легкий смешок. Внутри у Алисы все болезненно сжалось.

- Как ручки дрожат от страха, - сказал Манфред громким полупшепотом и снова хихикнул, - смотри не пролей содержимое фляги.

Мальчишки захихикали.

Алиса попыталась сделать вид, что не услышала, но от волнения слегка споткнулась, чем вызвала бурный смех. Она невольно повернулась в сторону мальчишек и исподлобья посмотрела на Манфреда.

- Что тебе нужно?! – громко сказала она, сделав угрожающий шаг вперед.

Алиса почувствовала, что вот именно сейчас, после почти месяца молчания, ее терпение закончилось. Она понимала, что с Манфредом лучше не связываться, но уже просто не могла сдерживаться. Когда она шагнула вперед, в глазах Манфреда на долю секунды

мелькнуло что-то похожее на испуг, и он инстинктивно namного подался назад, но быстро совладал с собой и уголку его губ цинично поползли вниз.

- Какие мы нервные, - жеманно ответил он, приподняв брови, - без причин на людей кидаемся, - и Манфред изобразил фальшивое изумление.

- Я же как лучше хотел, - продолжил он громким шепотом, приподняв уголки бровей так, что стал похожим на Пьеро, но только вместо печали на его лице читалась явная издевка, - Что за ужас? – он с фальшивым изумлением прикрыл рот рукой, - Ручки дрожат, столько злости во взгляде... - Манфред сделал паузу, как будто застыв с этим фальшиво-печальным выражением лица.

- Может... - он снова сделал многозначительную паузу, - подлечить нервы?... – на последней фразе и без того высокий голос Манфреда немного пошел вверх, так что эти слова отдались в голове Алисы неприятным звоном.

Мальчишки разразились смехом, а потом загудели: «Псих! Псих!»

- Может помочь донести флягу, а то не справишься? – продолжил Манфред громким шёпотом, немного растягивая слова и манерно улыбаясь. Его брови по-прежнему оставались в «позиции Пьеро».

Он медленно и жеманно протянул вперед левую руку. Алиса почувствовала, что вот-вот расплечется. Она не понимала, как реагировать на подобное, и ощущала бессилие. Когда Манфред протянул свою по-девичьи тонкую и изящную ручку с длинными пальчиками, ей захотелось вцепиться в нее когтями. Алиса попыталась отогнать эту мысль, но мозг как будто отказался ее слушаться. Она на автомате выставила вперед руку с флягой, а когда Манфред готов был ее взять, Алиса со всей силы выплеснула на него бензин.

Манфред изумленно взвизгнул и посмотрел на Алису широко раскрытыми глазами, а потом перевел взгляд на мокрый рукав рубашки.

- Ненормальная! – слегка визгливым голосом сказал он, и за ним эту фразу эхом повторили мальчишки.

Не чувствуя ничего, кроме странного гула в голове и злости на этого злобного жеманного мальчишку, Алиса схватила со стола зажигалку, провела пальцами по колесу поджига и швырнула ее в Манфреда.

Рукав рубашки вспыхнул пламенем, и где-то на уровне подсознания Алиса поняла, что сделала что-то ужасное, но сознание отказалось в это верить. Шум в голове усилился, и все вокруг стало казаться каким-то далеким и ненастоящим. Она увидела, как мальчишки кинулись тушить огонь, который с края рукава за доли секунды поднялся к плечу. Манфред пытался бить по огню рукавом свободной правой руки, но это мало помогало.

Алиса со всех ног побежала обратно к складу, вбежала вовнутрь, забилась в угол и закрыла руками уши, а лицом уткнулась в колени. До нее едва ощутимым эхом доносился визг Манфреда, но она с трудом понимала, действительно ли это происходит на самом деле, или ей просто снится кошмарный сон. Когда она поднимала глаза вверх, все вокруг казалось расплывчатым и ненастоящим.

Часть 2

Скучный и жаркий день длился бесконечно долго. Манфред знал, что после обеда мама с Анной и Алисой поедут купаться на море. Больше всего ему хотелось поехать с ними и бесстыдно любоваться Алисой в купальнике, но чувство страха вынудило отказаться от этой поездки.

Досаду и злость на себя Манфред пытался отогнать, хвастаясь перед друзьями тем, как он научился делать коктейли Молотова, пока они отдыхали в детских лагерях. Набегавшись по окрестностям, мальчишки пришли во двор к Манфреду и уселись за столом, чтобы покурить. Они бы гуляли еще очень долго, но Манфреду очень хотелось увидеть Алису до того, как она поедет на пляж.

Он планировал после перекура аккуратно спроводить друзей и пойти в дом, но пока они курили и смеялись над какой-то ерундой, из-за деревьев совершенно неожиданно вышла Алиса. Она несла в руках какую-то флягу, и весь ее напряженный и скованный вид показывал страх перед их веселой компанией. Манфред понимал, что правильнее всего было бы позволить ей пройти мимо, но желание посмотреть в ее блестящие, выразительные глаза и обратить на себя ее внимание оказалось выше здравого смысла.

Манфред хихикнул так, будто насмехается над Алисой. Он знал, что это внутренне заденет ее. Он увидел, как она едва заметно напряглась, и продолжил:

- Как ручки дрожат от страха, смотри не пролей содержимое фляги.

Мальчишки захихикали, как бы поддакивая Манфреду.

Алиса напряглась еще больше, шаги стали скованными и она вполне закономерно споткнулась. Друзья Манфреда взорвались смехом, что заставило Алису повернуться и посмотреть на Манфреда тяжелым и полным боли взглядом. У Манфреда возникли противоречивые чувства: с одной стороны, ему было приятно, что он смог вызвать у нее эмоциональную реакцию, а, с другой, от того отчаянья, которое читалось в ее глазах, у Манфреда внутри что-то неприятно защемило.

- Что тебе нужно?! – громко сказала Алиса и сделала шаг вперед.

Манфред не ожидал такой реакции и невольно вздрогнул, а по телу пробежал легкий холодок. Хотя Алиса была значительно ниже и слабее его, Манфред испугался. Он почувствовал в ней ту внутреннюю силу, которой был лишен он сам. Он попытался скрыть страх, невольно переведя свои эмоции в привычную язвительность.

- Какие мы нервные, без причин на людей кидаемся, я же как лучше хотел.

Манфред видел, как Алиса внутри закипает, и это его раззадоривало.

- Что за ужас? – продолжил он, - Ручки дрожат, столько злости во взгляде...

Эмоции Алисы доходили до точки кипения, и Манфред понял, что пора сказать что-то такое, после чего он вспыхнет.

- Может... - он сделал паузу, - подлечить нервы?...

Мальчишки рассмеялись и закричали: «Псих! Псих!». Манфред видел по отчаянию в глазах Алисы, что этот бой он выиграл, но какая-то сила внутри мешала ему остановиться.

- Может помочь донести флягу, а то не справишься? – сказал он и протянул вперед левую руку.

Манфред понимал, что переигрывает и причиняет Алисе боль, но не мог прекратить собственную игру. Алиса медленно протянула вперед руку с флягой, и Манфред подумал, что сейчас возьмет ее, и на этом экзекуция закончится. Где-то в глубине сознания у него промелькнула мысль о том, что он больше никогда не позволит себе поступать так, как сейчас.

Но только он собрался взять флягу, как Алиса со всей силы выплеснула на него ее содержимое. В нос Манфреду ударил едкий запах бензина, и он почувствовал, как намокшая рубашка прилипла к телу. Манфредом овладела паника, и он испуганно завизжал:

- Ненормальная!

В следующий момент он увидел вспыхнувший огонек зажигалки, а потом ощутил сильное жжение. Яркое пламя вспыхнуло прямо у Манфреда перед глазами, и в первые несколько секунд он не мог понять, что происходит. К реальности его вернула ужасная боль, распространившаяся от кисти руки до самого плеча.

Растерянность сменилась сильнейшим чувством страха. Манфред попытался рукавом правой руки затушить пламя, но из этого ничего не вышло. Тогда он попробовал свободной рукой отрывать куски горящего рукава, но от едкого дыма и боли не мог понять, получается ли это у него.

Боль постепенно лишала Манфреда способности адекватно мыслить, и он все сильнее провалился в какое-то странное ощущение нереальности. Где-то очень далеко от него раздавались голоса мальчишек, к которым потом присоединились голоса взрослых. Мама с Анной суежились вокруг, что-то кричали, но он не мог разобрать, что именно.

Сколько времени это длилось, Манфред не знал. Периодически он как будто возвращался к реальности, и видел бледное от испуга лицо матери. Она пыталась бить его руками по щекам и что-то кричала. Придя в очередной раз в чувство, Манфред увидел медиков, а потом снова куда-то провалился. Периодически он приходил в себя и всматривался в озабоченные лица врачей. От тряски кареты скорой помощи боль казалась просто невыносимой.

Сцена восьмая. Между жизнью и смертью

Часть 1

Алиса не знала, сколько времени она просидела на складе, уткнувшись лицом в колени. Когда чувство нереальности начало рассеиваться, ее охватил страх. Алиса боялась даже предполагать, насколько тяжелые травмы она нанесла Манфреду. «Ну да, ему больно, но, в принципе, не должно же быть ничего страшного, хотя, наверное, следы на коже останутся» - пыталась она успокоить себя, но в голову настойчиво лезли мысли о том, что раны могут оказаться намного более серьезными. Алисе в этот момент больше всего на свете хотелось прокрутить все назад и переиграть эту ситуацию, сделать все по-другому...

Когда на улице начало темнеть, ей, наконец, захотелось выйти со склада и пойти в дом, но она никак не могла собраться с духом и сделать это. Алиса была практически уверена, что ее теперь все ненавидят. Да она и сама себя готова была возненавидеть. Она никогда раньше не думала, что способна такое сделать с другим человеком.

За окном совсем стемнело, а Алиса продолжала сидеть на складе. Было холодно, хотелось есть, а в теле ощущалась нездоровая слабость, но она не могла заставить себя оторвать взгляд от окошка на противоположной стене. От ветра ветки деревьев били в окно, и это монотонное движение гипнотизировало Алису, отвлекая от неприятных мыслей.

Из состояния прострации ее вывел звук шагов. Вздрогнув от неожиданности, она повернула голову к выходу и увидела в дверном проеме мамин силуэт.

- Ты здесь? – услышала Алиса, и глухим голосом ответила:

- Да.

Анна подошла ближе и присела на корточки напротив Алисы.

- Ты что наделала? – сказала она, пытаясь сохранять спокойствие, но в ее голосе чувствовалась плохо скрываемая злость, - О чем ты вообще думала??

- Я не хотела! – ответила Алиса, и в этот момент эмоции, наконец, вырвались наружу, - Мам, я не хотела! Он меня довел, он издевался надо мной все это время! Я не знала, что делать! - по ее щекам потекли слезы.

- А почему ты мне ничего не сказала? – спросила Анна немного спокойнее.

- Я стеснялась, мне было стыдно, - ответила Алиса с чувством надежды на то, что мама сможет ее понять.

- А пытаться сжечь его заживо – не стыдно?! – раздраженно ответила Анна, но после короткой паузы добавила, - Хотя могу понять, мне тоже было бы стыдно говорить о таком.

У Алисы проснулось чувство надежды на понимание.

- Но я бы никогда такого не сделала! – снова воскликнула Анна.

Алисе очень хотелось узнать, как Манфред, но она стеснялась спросить. Ей было даже страшно самой себе озвучить предположения о его состоянии.

- С ним все в порядке? – в конце концов уклончиво спросила Алиса.

- В порядке?! – с раздражением переспросила Анна, - Он в реанимации в тяжелом состоянии! Ближайшие двое суток определят, выживет ли он вообще!

Тяжелое, сковывающее чувство холода медленно растеклось у Алисы по телу. Это было даже хуже, чем то, что она могла предположить. Алиса и не думала, что вопрос будет стоять о жизни и смерти.

- Я не хотела... - дрожащим от слез голосом ответила она.

- Да понятно, что не хотела... - сказала Анна, - Пойдем в дом.

- Я не могу, - робко ответила Алиса, пытаясь в темноте разглядеть выражение лица Анны, - меня теперь все ненавидят...

- Честно? – ответила Анна, и голос ее прозвучал как-то холодно, - Сейчас всем не до тебя.

Этот ответ в какой-то степени успокоил Алису, и она медленно поднялась, пыталась размять затекшие ноги.

После легкого перекуса Анна уехала в больницу, захватив тормозок для Кайзы, которая не отходила от сына. Алиса постаралась побыстрее уйти в свою комнату, чтобы ни с кем не пересекаться и не видеть осуждения в глазах членов семьи Манфреда. Но заснуть не удалось, она мучительно ворочалась в постели и не могла отогнать навязчивые мысли о состоянии Манфреда.

Каким-то чудом Алиса долежала так до утра, а когда рассвело, усилием воли заставила себя спуститься вниз. Она чувствовала себя измученной от бессонной ночи, но, тем не менее, воспринимала наступление дня как своего рода облегчение.

Спустившись в холл, Алиса увидела Альфреда. Первое желание было – спрятаться в коридор, пока он ее не увидел и не осудил за совершенный поступок. Но надежда на то, что Альфред что-то знает о состоянии Манфреда, пересилила чувство страха. Она тихонько подошла и несколько секунд растерянно переминалась с ноги на ногу возле Альфреда, стоявшего к ней спиной. Потом он, видимо, почувствовал ее взгляд, и обернулся.

- Как он?... – робко спросила Алиса.

- Мама звонила пол часа назад, - ответил Альфред немного приглушенным, но достаточно спокойным и располагающим голосом, - не лучше, но и не хуже, а это главное. У него очень низкое давление и не отходит моча из-за ожогового шока. Главное, чтобы не было коллапса и чтобы почки не отказали в ближайшие сутки. Если выдержит – пойдет на поправку. Сейчас все время рвет и просит пить, но вроде бы держится.

Алиса чувствовала, как у нее начинает темнеть в глазах, но пыталась не показывать этого.

- А ожоги какие? – дрожащим от неуверенности голосом спросила она.

- Левая рука от кисти вверх и плечо у него обожжены, и немного правое запястье. Ожоги глубокие, но врачи говорят, что все функции руки должны сохраниться, - ответил Альфред и пристально посмотрел на Алису.

Она испытала чувство неловкости и опустила глаза.

- Я не стану тебя оправдывать и одобрять, - сказал Альфред, - но я тебя понимаю.

Алиса медленно подняла глаза.

- Я себя тысячу раз ругал, - продолжил он, - за то, что ты еще три дня назад сказала мне о ваших отношениях, а я уехал на выходные со скаутами, и так и не успел рассказать об этом матери, хотя собирался.

Алиса приоткрыла рот, чтобы сказать, что об этом не нужно было рассказывать, но тут же подумала, что если бы он рассказал, то, возможно, ничего этого не случилось бы.

- Он – мой брат, - продолжил Альфред, - и я очень не хочу, чтобы с ним случилось что-то плохое, но я знаю, каким он бывает, поэтому не буду тебя осуждать.

Алиса посмотрела на Альфреда с чувством надежды, слегка улыбнулась и немного хриплым голосом ответила:

- Спасибо...

В течение дня и следующей ночи измученная и уставшая Анна периодически навещала дом, а потом уезжала в больницу, где безвылазно находилась Кайза. Вечером следующего дня Анна сообщила новость о том, что рвота уменьшилась, и в целом Манфреду стало немного лучше, так что врачи дают обнадеживающие прогнозы.

Часть 2

Все, что происходило дальше, Манфред смутно осознавал. К чувству боли добавилось какое-то парализующее ощущение тревоги. То ли у Манфреда начались судороги, то ли он просто метался, но врачи начали громко кричать и пытались держать его. Сознание Манфреда существовало как будто отдельно от тела – он не мог управлять своими движениями, да и вообще не чувствовал ничего, кроме боли.

Манфред как будто из какого-то глухого бункера наблюдал за тем, как его привезли в больницу и поместили в реанимационное отделение. Потом сознание начало туманиться, а боль постепенно снижала интенсивность. Через какую-то пелену он наблюдал за тем, как с его тела снимают куски обгоревшей рубашки. Потом медперсонал долго возился вокруг руки. Манфред хотел посмотреть, что с нею, но не мог приподняться. Спросить о своем состоянии тоже не мог. Ощущение было как во сне, когда все видишь и понимаешь, но не можешь пошевелиться.

Постепенно боль, а вместе с нею и чувство страха начали отступать. По странному, даже приятному ощущению Манфред понял, что ему дали какое-то наркотическое обезболивающее. Сколько времени он пролежал в таком состоянии, Манфред не знал. Потом врачи ушли, оставив только одну медсестру, чтобы следить за его состоянием. В палату зашла мама. Она смотрела на Манфреда обеспокоенным взглядом, а ее глаза были красными и опухшими от слез. Манфреду хотелось сказать, что с ним все хорошо, но он не мог этого сделать, язык не слушался, а все тело казалось ватным.

Кайза присела на стул рядом с Манфредом и долго наблюдала за сыном, а потом слегка задремала от усталости. Манфред был рад этому, он бы и сам с удовольствием поспал, но не получалось, да и боль в руке чувствовалась, хотя и стала намного меньше.

Из состояния своеобразной прострации, которая так и не перешла в стадию сна, Манфреда вывело ужасное чувство жажды. Во рту все пересохло и казалось, что слизистые вот-вот потрескаются. Эта странная жажда накатила совершенно неожиданно и казалась просто невыносимой. Кроме нее еще появилось чувство тупой боли в нижней части спины.

Собрав все силы, Манфред громким, хриплым шепотом сказал:

- Пить...

Медсестра озабоченно посмотрела на него и поднесла стакан, на дне которого было немного воды. Кайза проснулась и встревоженно посмотрела на сына. Медсестра приподняла голову Манфреда и дала ему выпить воды. Он проглотил жидкость, даже не почувствовав этого.

- Еще, - еле слышным голосом сказал он.

- Нельзя, - ответила медсестра, - немного позже дам. Как ты себя чувствуешь? Ничего не болит, кроме руки?

С трудом двигая одеревеневшим языком, Манфред сказал:

- Поясница...

Медсестра заглянула под кровать, и ее лицо стало встревоженным. Она выбежала из палаты. Кайза привстала и проводила медсестру испуганным взглядом, а потом перевела глаза на Манфреда. Он попытался через силу улыбнуться, показывая, что все в порядке.

Спустя пару минут в палату вбежали врачи, и, заглянув под кровать, а потом посмотрев на датчики, начали что-то встревоженно обсуждать. Мозг Манфреда работал в замедленном режиме, поэтому ему удавалось уловить только обрывки фраз: «Не отходит моча... Ожоговый шок... Могут отказать почки... Обезвоживание».

Манфред понимал, что с ним происходит что-то нехорошее, но затуманенное морфином сознание блокировало любые эмоции, в том числе и страх. Из разговоров персонала он понял, что ему каждые несколько минут будут давать пить, и что увеличат дозировку лекарств. Это обрадовало Манфреда и ввело в какое-то странное, немного неестественное состояние умиротворения.

Следующее, что помнит Манфред – это яркий, слепящий дневной свет, сильный кашель и ощущение, что внутри все сводит судорогами. Он понял, что от лекарств заснул, а проснулся от мучительной рвоты. К нему сразу сбежался медперсонал, но Манфред не понимал, куда он рвет – в специально подставленную емкость или на себя.

Не имея возможности во время спазмов удерживать тело в одном положении, Манфред невольно двигал обожженной рукой, что вызывало боль, от которой темнело в глазах. Единственное, что он мог разобрать – это слова врача: «Дыши глубоко». Манфред попытался последовать совету, и в итоге перестал давиться рвотой. В перерывах между спазмами медсестра поила его водой.

Сложно было сказать, сколько времени длилась рвота, но если сначала Манфред мог пить воду и хоть как-то регулировать мышечное напряжение, то постепенно силы стали

покидать его, и он рвал прямо на постель, потому что каждое движение головой стоило огромных усилий.

Когда начало темнеть, к чувству слабости присоединилось головокружение и ощущение, что он куда-то проваливается. Манфреду казалось, что где-то очень далеко кто-то кричит о том, что давление критически упало, но сил на то, чтобы мысленно связать это с собой, у Манфреда уже не было.

Когда он проснулся, на улице начинало светать. На небольшом диванчике в углу палаты спала Кайза, поджав ноги, чтобы поместиться на сиденье. Даже во сне она выглядела измученной и бледной, под глазами были круги. Манфред ощутил идущую от окна прохладу, и понял, что ему стало лучше. Голова гудела, хотелось пить, от слабости все тело казалось ватным, а внутри все болело, но Манфред чувствовал, что вернулся к реальности, несмотря на некоторую затуманенность сознания от морфина.

Медсестры в палате не было, и Манфред понял, что медперсонал знает, что ему лучше. Во рту пересохло от жажды, но он не хотел будить маму, поэтому с усилием набирал слюну и глотал ее, пытаясь хоть как-то смягчить пересушенное горло. Пролежав так какое-то время, Манфред постепенно собрался с мыслями. Неприятное, вязкое чувство страха охватило его, но при этом он боялся даже внутренним голосом озвучить, чего именно боится.

«Надо просто приподнять голову и посмотреть!» - пытался он твердо сказать себе, но какое-то время страх пересиливал это желание. Потом он, наконец, решился и резко, насколько это было возможно, оторвал голову от подушки. Рука была перебинтована от пальцев до самого плеча. Манфред легонько пошевелил пальцами, и эти движения отдали болью по всей руке. Пальцы были синими и опухшими, но это несколько не уменьшило чувство облегчения. «Слава Богу, не потерял руку» - подумал он.

Манфред успокоился, откинул голову на подушку, и начал наблюдать за колыхавшимися за окном ветками деревьев. «Я все испортил» - подумал он. На Манфреда накатило чувство собственного ничтожества. Он понимал, что за целый месяц так и не смог совладать с собой, а теперь у него уже нет шансов завоевать благосклонность Алисы. Ему хотелось расплакаться от отчаянья и злости на себя, но на это не было сил.

Ругая себя, Манфред пролежал какое-то время, пока, наконец, не проснулась Кайза. Увидев спокойное лицо Манфреда, она подбежала к нему, и в ее глазах читалась смесь радости и озабоченности. Кайза начала расспрашивать Манфреда о самочувствии и дала ему пить. Манфред старался через силу улыбаться и сказал, что ей нужно отдохнуть, а с ним все будет хорошо.

Анна привезла Кайзе еду и с трудом уговорила замученную подругу выйти в коридор и поесть. Съев часть тормозка, Кайза устало откинулась на спинку стула. Ее лицо казалось серым, а под глазами были синие круги. Все это влерея Анна пыталась по возможности поддерживать Кайзу, но ее не покидало мучительное чувство вины за поступок Алисы. Она была уверена, что Кайза не сможет ей этого простить. Да и понимала, что такой поступок не заслуживает прощения.

Но, в то же время, ей хотелось прояснить ситуацию. Она понимала, что в такой момент эгоистично начинать подобные разговоры, но ей хотелось снять камень с души и услышать мнение Кайзы, даже если оно будет ужасным.

- Я не знаю, как она могла это сделать... - сказала Анна.

- Сорвалась, - ответила Кайза, вытирая рукой пот со лба, - она в этом на тебя похожа.

Окончив фразу, Кайза повернулась лицом к Анне.

- На меня?... – немного удивленно и растерянно спросила Анна.

- Ну да, - ответила Кайза, - Я знаю, каким бывает Манфред... Я его очень люблю, но не идеализирую. И знаю, как ты в детстве реагировала на таких изысканных хамов, как он, - Кайза измученно улыбнулась.

- Поэтому я не злюсь, - добавила она, главное – чтобы он поправился... - в глазах Кайзы появилась грусть.

Анна испытала чувство огромного облегчения и невероятной благодарности к Кайзе. В ее голове мелькнула мысль о том, что она еще больше, чем раньше, восхищается этой хрупкой, женственной, но внутренне очень сильной женщиной.

- Спасибо тебе... - неуверенно ответила Анна.

Кайза снова повернулась к ней и слегка улыбнулась.

Сцена девятая. Больница

Часть 1

Прошло двое суток с тех пор, как Манфред оказался в больнице. Опасность для его жизни миновала и все вздохнули с облегчением. Домой впервые приехала уставшая и измученная Кайза, и легла спать, даже не раздевшись.

Алиса узнала, что кризис позади, и испытала чувство огромного облегчения. Но постепенно ему на смену пришло чувство вины. Раньше оно тоже присутствовало, но было острым и во многом заменялось страхом за жизнь Манфреда. Сейчас же это ощущение трансформировалось в осознание необходимости хоть что-то сделать для искупления своей

вины. И в какой-то момент Алиса пришла к твердой уверенности, что должна хотя бы извиниться перед Манфредом.

Она понимала, что это глупо, и что извинениями делу не поможешь, да и вряд ли ему нужны ее извинения. Алиса осознавала, что если пойдет в больницу извиняться, то может сделать еще хуже, но не могла отделаться от чувства внутренней убежденности в том, что это необходимо.

Борясь с чувством страха, она шла по коридору ожогового центра. Алисе казалось удивительным и непривычным то, что в Финляндии всех желающих свободно пускают в больницу, тогда как в СССР с посещениями больных, особенно в хирургических и ожоговых отделениях, довольно строго.

Она подошла к палате Манфреда и, нерешительно постояв несколько минут, открыла дверь и вошла. Манфред, услышав скрип двери, перевел взгляд на Алису. Он показался ей совсем исхудавшим. Его и без того белое лицо стало еще более бледным, а сквозь кожу начали просвечивать синеватые венки. Синими также были губы и пальцы Манфреда.

Он был укрыт простынею, а свободными оставались только руки, слегка отодвинутые от туловища. Левая рука была перебинтована от ладони до плеча, а на правой руке повязка закрывала предплечье. На пальцах и тыльной стороне правой ладони были красные ожоговые пятна. Увидев их, Алиса вспомнила, как Манфред этой рукой пытался затушить огонь.

Руки выглядели не так страшно, как можно было предполагать, и это отчасти успокоило Алису, хотя ее сердце бешено колотилось от волнения. Она боялась колкостей Манфреда даже сейчас, когда он лежал перед ней такой беспомощный, с перебинтованными руками.

Делая нерешительные шаги по направлению к кровати, Алиса всматривалась в лицо Манфреда, пытаясь понять, настроен ли он неприязненно. Но его взгляд казался спокойным и слегка затуманенным морфином. Алиса несмело подошла к кровати, остановилась со стороны ног Манфреда, и взялась за спинку, как будто пытаясь добавить себе устойчивости и равновесия.

- Привет... - несмело сказала она.

- Привет, - ответил Манфред своим звонким, но сейчас несколько ослабленным голосом.

- Я... - Алиса сделала небольшую паузу, как будто собираясь с духом, - Хотела бы извиниться... Я знаю, что ты меня не простишь за этот поступок, да и не должен прощать, но я хотела сказать, что то, что я сделала - ужасно.

Произнеся это, Алиса как будто сбросила камень с души. Она понимала, что Манфред сейчас ответит что-то омерзительное, но уже была морально готова к этому.

- Я не обижаюсь, - неожиданно сказал он, и на его лице появилось что-то наподобие улыбки, - я сам виноват.

Алиса застыла в нерешительности, не зная, что ответить.

- Я вел себя неправильно, - продолжил Манфред, - и этим все испортил. Хотя... - он остановился и в его взгляде мелькнул легкий страх, - ты мне всегда нравилась.

Сказав это, Манфред испуганно посмотрел на Алису.

- Нравилась?... – удивленно переспросила она.

- Да, ответил Манфред, - Но я только портил все своими поступками, вместо того, чтобы нормально общаться с тобой. Извини меня за это.

- Да ничего, - растерянно ответила Алиса, которая никак не ожидала, что в этом диалоге он начнет извиняться перед ней.

- Я хотел бы попросить... - несмело начал Манфред, - Если ты согласишься, конечно...

- Что? – перебила Алиса и слегка испугалась, что он сейчас скажет ей что-то неприятное.

- Дай мне, пожалуйста, шанс начать с тобой нормальное общение, - сказал Манфред, и, как будто испугавшись собственной просьбы, добавил: Хотя ты не обязана...

- Я не против, - перебила его Алиса, - только... Не говори мне неприятных вещей.

- Хорошо, я обещаю, - ответил Манфред и в его глазах мелькнул радостный огонек.

- Приходи ко мне иногда, если сможешь, - немного несмело попросил Манфред.

- Да, хорошо, - ответила Алиса.

Манфред несмело приподнял правую руку и протянул ее Алисе. Она посмотрела на красные пятна, которыми была покрыта его кисть, и подумала, что если дотронется, то сделает Манфреду больно. Но она увидела несмелую просьбу в его взгляде, и, сделав несколько шагов вперед, взяла в руки пальцы Манфреда, стараясь при этом свести к минимуму контакт. Алиса слегка пожала его тоненькие пальчики, и отпустила. Манфред медленно опустил руку на постель.

Алиса посмотрела на несмелые движения его руки, и подумала: «Легкие ожоги быстро сойдут, так что он сможет к началу учебного года начать писать». Но через несколько секунд вспомнила: «Он же левша...» И чувство вины снова неприятно кольнуло. Она перевела взгляд на синие, опухшие и блестящие от ожогов пальцы левой руки Манфреда и поняла, что он долго не сможет использовать ведущую руку.

Алиса посмотрела Манфреду в лицо и впервые после случая с Костелом поймала себя на мысли, что он не вызывает у нее неприятных эмоций. В этот момент Манфред казался совершенно беспомощным и не похожим на себя прежнего. Алиса даже увидела в его глазах что-то похожее на тепло.

Часть 2

Когда самочувствие Манфреда улучшилось, и мысли начали упорядочиваться, на него нахлынуло тягучее чувство тоски и отчаяния. Если раньше он видел, что в любой момент может обратить ситуацию в свою пользу, то теперь ясно понимал, что возможность наладить общение с Алисой ушла навсегда.

Манфред беспомощно лежал на больничной койке со слегка расставленными в стороны руками, и это тоскливое безделье не давало ему освободиться от навязчивых мыслей. Казалось, что время тянулось бесконечно.

Прошли почти сутки с того момента, как Манфреду полегчало. Благодаря морфину он почти не ощущал боли, но от этого было только хуже, потому что боль хоть как-то отвлекала от тягостных мыслей. Манфред не знал, сколько времени он лежал, бессмысленно уставившись в потолок. Вывел его из состояния раздумий звук открывающейся двери. Подумав, что это пришла медсестра, Манфред лениво опустил взгляд. Увиденное же заставило его сердце бешено колотиться – перед ним стояла Алиса.

Она испуганно смотрела на Манфреда, и делала робкие шаги в его сторону. Медленно подойдя к кровати, она взялась за ее спинку, как будто пытаясь таким образом удержать равновесие, а потом немного дрожащим голосом сказала:

- Привет...

Манфред не мог поверить, что все это происходит на самом деле. Но чувство радости от возможности увидеть Алису омрачалось ощущением страха, ведь он не знал, с какой целью она пришла, и готов был услышать что-нибудь ужасное. Но понимая, что Алиса ждет какой-то реакции на свое обращение, Манфред, стараясь скрыть неуверенность, ответил:

- Привет.

- Я... - робко начала Алиса и запнулась.

Манфред видел, что она пытается совладать с собой, но не может побороть волнение. Это внушало ему смутную надежду на то, что в общении с ней еще не все потеряно.

- Хотела бы извиниться... - продолжила Алиса, - Я знаю, что ты меня не простишь за этот поступок, да и не должен прощать, но я хотела сказать, что то, что я сделала - ужасно.

- Я не обижаюсь, - ответил Манфред, постаравшись скрыть тот фонтан эмоций, которые он испытал, пока Алиса говорила.

- Я сам виноват, - добавил он и улыбнулся.

Алиса стояла и растерянно смотрела на Манфреда. Она в этот момент показалась ему эмоционально беспомощной и не понимающей того, что же сейчас происходит. И если раньше Манфред в подобные моменты поневоле впадал в язвительность, то теперь, чувствуя, что это его последний шанс, сказал:

- Я вел себя неправильно, и этим все испортил. Хотя... - испугавшись собственной неожиданной смелости, Манфред запнулся, но, собравшись с духом, продолжил, - ты мне всегда нравилась.

Сказав это, он посмотрел на Алису с плохо скрываемым страхом. Он боялся, что сейчас с ее стороны последует жесткая реакция и этот разговор станет последним.

- Нравилась?... – спросила Алиса, широко раскрыв глаза от удивления. В ее взгляде не было злости, которую боялся увидеть Манфред, но была явная растерянность, как будто Алиса в этот момент увидела что-то такое, что совершенно не укладывалось в ее голове.

Сам того не ожидая, Манфред сказал:

- Да. Но я только портил все своими поступками, вместо того, чтобы нормально общаться с тобой. Извини меня за это.

- Да ничего, - растерянно ответила Алиса.

Увидев успех своего начинания, и желая не упустить его, Манфред продолжил:

- Я хотел бы попросить... Если ты согласишься, конечно...

Страх делал речь Манфреда недостаточно решительной, поэтому Алиса перебила его:

- Что?

- Дай мне, пожалуйста, шанс начать с тобой нормальное общение, - сказал Манфред, практически не слыша собственного голоса из-за бешеного сердцебиения. Но боясь явного отказа, добавил: Хотя ты не обязана...

- Я не против, - снова перебила его Алиса, и спокойная твердость ее голоса немного успокоила его - только... Не говори мне неприятных вещей.

- Хорошо, я обещаю, - ответил Манфред и решил, что нужно попробовать сделать еще один шаг: Приходи ко мне иногда, если сможешь.

- Да, хорошо, - ответила Алиса.

Манфред не мог поверить, что все это происходит на самом деле и его охватило чувство эйфории. И если раньше он боялся просто находиться рядом с Алисой, то сейчас, сам

от себя не ожидая, приподнял руку с постели и протянул ее Алисе. Он боялся, что это перебор, но ему так сильно захотелось до нее дотронуться, что он не смог удержаться.

Алиса сделала несколько шагов вперед и испуганно посмотрела на протянутую руку. «Вот черт, моя рука выглядит безобразно, и ей, наверное, даже смотреть противно» - подумал Манфред, и хотел опустить руку на постель, но в этот момент Алиса осторожно дотронулась до его пальцев.

Манфред почувствовал такое чувство жжения от прикосновений, что в глазах потемнело, но он постарался не показывать боль. Этот момент казался Манфреду самым счастливым в его жизни. Через пару секунд Алиса отпустила руку, и Манфред опустил ее, надеясь, что Алиса не заметила, как дрожат его пальцы.

Заключение

Эта встреча, к большой радости Манфреда, стала не последней. Алиса периодически приходила к нему в больницу, и они разговаривали. Манфреда удивляла и восхищала та внутренняя цельность, которая была у Алисы, но которой не хватало ему самому. При этом Алиса казалась ему беспомощной и трогательной в своем прямодушии и некоторой наивности.

Она, в свою очередь, пообщавшись с Манфредом, поняла, сколько всего она не замечала в окружающем мире. При этом для Алисы стали настоящим открытием страхи Манфреда, ведь раньше он казался ей образцом самоуверенности.

Спустя месяц Манфреда с боем выписали из больницы. Подвижный, активный и любознательный Манфред изнывал от тоски в больничных стенах, и все время просился домой. В то же время он пользовался ситуацией и при Алисе старался показать себя немного более беспомощным и несчастным, чем был на самом деле. Алиса видела в его беспомощности и грустных глазах какую-то особую трогательность и старалась уделять ему как можно больше внимания и заботы.

Но через месяц Манфред все-таки поехал домой. Ежедневно Кайза возила его на перевязки. Рука Манфреда практически не двигалась, но это нисколько не омрачало чувства радости от того, что он теперь свободен и при этом может общаться с Алисой столько, сколько ему хочется. Понимая, что через месяц ей придется уехать, Манфред старался как можно больше времени проводить с ней. Они часто вместе гуляли и много разговаривали.

Была в их отношениях и еще одна сторона. Началось это еще в больнице с легкого и несмелого поцелуя, а продолжилось после выписки Манфреда. Какое-то время это удавалось скрывать, пока они не были самым нелепым образом застуканы в одной постели Анной.

Однако, вопреки опасениям, взрослые эту тему впоследствии не поднимали. Анна в тот момент вышла, ничего не сказав, а спустя какое-то время Кайза лаконично сказала им, чтобы они не забывали предохраняться. Манфред и Алиса сначала были удивлены подобной реакцией, но потом узнали, что когда между Анной и Кайзой начались отношения, они были не намного старше.

Омрачился этот месяц только одним происшествием: когда рана уже начала покрываться свежими тканями, Манфред неловко повернул руку во время одной из уличных игр и кожа лопнула. Понимая, что он не сможет это скрыть, Манфред вынужден был рассказать Кайзе о произошедшем. Она испуганно посмотрела на пропитавшуюся кровью повязку и повезла Манфреда в больницу.

Алиса поехала с ними. Они с Манфредом сидели на заднем сиденье машины, и Алиса с изумлением наблюдала за тем, как он с посиневшими и дрожащими от боли губами и пальцами довольно улыбался и кокетливо шутил. Это казалось ей трогательным и в то же время совершенно не понятным. Алиса знала, что она в подобной ситуации кричала бы и плакала от боли, ей было бы не до улыбки.

Между тем Манфред видел в происходящем прекрасную возможность вызвать у Алисы целый букет эмоций – от сочувствия до восхищения. Боль для Манфреда была где-то на заднем плане. Ему казалось, будто это происходило вообще не с ним. В больнице Манфред чуть не потерял сознание во время снятия бинтов, в итоге его увезли в операционную и под общим наркозом накладывали швы.

Придя в себя, Манфред увидел сидящих рядом Кайзу и Алису. Абстрагировавшись от головокружения и тошноты, вызванных наркозом, Манфред улыбался с наигранной застенчивостью и грустью в глазах, заставляя их сопереживать себе. В конце августа Алиса и Анна уезжали домой. Кайза с Манфредом их провожали с нескрываемой грустью, но надежду внушала мысль о том, что это далеко не последняя встреча.